

STOP FEMIN
**AGAINST
KENTUCKY
MINERS!**

46
13

FREE
ALL
**CLASS-WAR
PRISONERS**

**RELEASE
SCOTTSBORO
BOYS!**

**FREE -
TOM
MOONEY!**

СПАСЕМ УЗНИКОВ СКОТТСБОРО! Мать Тома Муни и мать Мон-гомери, одного из заключенных Скоттсборо, в Вашингтоне во время проводимого ими агитоб'езда за освобождение узников американского капитала.

1 МАЯ ДНЕПРОСТРОЙ ДАЕТ ПЕРВЫЙ ТОК. На снимке — бригада бетонщиц, работавшая на кладке бетона в последних пролетах плотины.

ВЕЛИКИЕ ДАТЫ

22-го апреля исполняется 62 года со дня рождения Владимира Ильича Ленина. 16 апреля—историческая годовщина приезда Ленина из эмиграции в Россию в 1917 году.

Мы помещаем здесь выдержки из только что вышедшего второго выпуска воспоминаний Надежды Константиновны Крупской,— об исторических днях 1917 года.

... С первых же минут, как только пришла весть о Февральской революции, Ильич стал рваться в Россию.

Англия и Франция ни за что бы не пустили в Россию большевиков. Для Ильича это было ясно. „Мы боимся,—писал он Колонтай,— что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся“. И, рассчитывая на это, он в письмах от 16 и 17 марта к Колонтай уславливается о том, как лучше наладить сношения с Питером.

Надо ехать нелегально, легальных путей нет. Но как? Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, и вот по ночам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана. Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа: швед вызовет меньше всего подозрений. Паспорт шведа можно достать через шведских товарищей, но мешает незнание языка. Может быть немного? Но легко проговориться. „Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация“,— смеялась я.

Все же Ильич запросил Ганецкого, нельзя ли перебраться как-нибудь контрабандой через Германию.

... 19 марта состоялось совещание различных политических групп русских эмигрантов-интернационалистов, проживавших в Швейцарии, о том, как пробраться в Россию. Мартон выдвинул проект—добиться пропуска эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России германских и австрийских пленников. Однако никто на это не шел. Только Ленин ухватился за этот план. Его надо было проводить осторожно. Лучше всего было начать переговоры по инициативе швейцарского правительства. Переговоры со швейцарским правительством поручено было вести Гримму. Из них ничего не вышло. На посланные в Россию телеграммы ответов не получалось. Ильич мучился. „Какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время!“—писал он в Стокгольм Ганецкому. Но он уже держал себя в руках.

... Когда пришло письмо из Берна, что переговоры Платтена пришли к благополучному концу, что надо только подписать протокол и можно уже двигаться в Россию, Ильич моментально сорвался. „Поедем с первым поездом“. До поезда оставалось два часа.

... Мы уехали с первым поездом в Берн. ... В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие товарищи. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все

слова, и ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами. Ильич спрашивал, арестуют ли нас по приезде. Товарищи улыбаются. Скоро мы приехали в Питер.

Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы, пришли встречать своего вождя. Было много близких товарищей.

... Тот, кто не пережил революцию, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цень из рабочих и работниц, охраняющих путь.

Встречать на Финляндский вокзал приехали Чхеидзе и Скобелев в качестве официальных представителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Товарищи повели Ильича в царские покои, где находились Чхеидзе и Скобелев.

... На перроне стоял почетный караул, мимо которого провели Ильича и всю нашу эмигрантскую братию, потом нас посадили в автомобиль, а Ильича поставили на броневик и повезли к дому Кшесинской. „Да здравствует социалистическая мировая революция!“—бросал Ильич в окружавшую многотысячную толпу.

Начало этой революции уже ощущал Ильич всем своим существом.

...Время было такое, что нельзя было терять ни минуты.

...7 апреля—в день появления в печати тезисов Ленина—Исполнительный комитет Петроградского Совета голосовал еще за „Заем свободи“.

В буржуазных газетах и в газетах обронческих началась бешеная травля Ленина и большевиков. Никто не считался с заявлением Каменева, все знали, что внутри большевистской организации верх возьмет точка зрения Ленина. Травля Ленина способствовала быстрой популяризации тезисов. Ленин называл происходящую войну империалистической, грабительской, все видели—он всерьез за мир. Это волновало тех, для кого вопрос о войне был вопросом жизни и смерти. 10 апреля Ленин выступал в Измайловском полку, 15-го стала выходить „Солдатская Правда“, а 16-го солдаты и матросы Петрограда устроили демонстрацию против травли Ленина и большевиков.

18 апреля (1 мая) состоялись грандиозные первомайские демонстрации по всей России, никогда раньше невиданные.

...К моменту открытия Всероссийской конференции (24 апреля), три недели спустя после оглашения Лениным своих тезисов, уже достигнуто было единство в среде большевиков.

Узники Скоттсборо

Отведем руку убийц

Уже свыше года длится дело восьми ни в чем неповинных юношей-негров, схваченных в Скоттсборо и заточенных в тюрьму по обвинению—традиционному обвинению американской буржуазии—в попытке изнасиловать белых женщин. Это произошло 27 марта 1931 года, когда под улюлюканье дикой толпы, подстрекаемой фашистами, девять безработных негров были сняты с поезда на перроне городка в Алабаме (Скоттсборо). Пятьдесят дней спустя, 10 апреля, в жуткой атмосфере суда Линча, под ропот и животные выкрики десятитысячной толпы биржевых спекулянтов, помещиков, представителей церкви, членов фашистской террористической организации Ку-Клус-Клана и прочих негодяев, восемь негров были приговорены к смерти.

Цивилизованная Америка не дала растерзать негров на перроне маленькой станции. Она действует по закону. Она привела „преступников“ в судебный зал, где дело слушалось по всем правилам процессуального кодекса. И государственный прокурор и казенный защитник требовали смерти для восьми негров. Они пощадил девятого только потому, что этот девятый совсем еще мальчик. Приговор не был приведен в исполнение. Этому помешала пролетарская солидарность рабочих всего мира. Многочисленные демонстрации протеста, митинги и собрания были ответом на гнусный приговор зажатой в тиски кризиса буржуазии.

Дело об узниках Скоттсборо было передано в новую инстанцию—верховный суд штата Алабама, где приговор был утвержден и только несколько отерочен.

13 мая восьми неграм грозит смерть. Их давно уже не было бы в живых, если бы трудящиеся массы всего мира не были мобилизованы Коммунистическим интернационалом и Межрабводом для бурной кампании протеста против буржуазной юстиции американского капитализма.

Не удивительно, что американская буржуазия так настойчива в своем решении

казнить ни в чем неповинных негрятинских юношей. Тут ведь дело не в том или другом, мнимом или действительно совершенном уголовном преступлении. Тут дело принимает остро политический характер. Аграрный кризис особенно сильно поразил южные штаты Америки, где миллионы негрятинских батраков изнывают от нищеты, безработицы и самых тяжелых форм капиталистического принудительного труда. Сельскохозяйственные рабочие-негры фактически являются собственностью крупных аграриев; если они решаются бежать с их плантаций, бдительная полиция заковывает их в цепи и доставляет обратно.

Для того, чтобы сдержать растущую волну революционной борьбы, для того, чтобы посеять рознь между цветными и белыми трудящимися, правящий класс Соединенных Штатов прибегает к жесточайшему террору. Скоттсборо — только одно из звеньев той непрерывной цепи преступлений американской буржуазии, которыми она пытается предотвратить свою грядущую гибель.

Наступление на трудящиеся массы путем террора — суд над узниками Скоттсборо, расстрел бастующих горняков в Кентукки, безработных в Детройте, Чикаго и Кливленде, многочисленные случаи линчевания негров,—все это часть общего наступления американского империализма в процессе подготовки войны на Дальнем Востоке и против Советского Союза.

Под руководством Межрабвода цветные и белые массы трудящихся мобилизованы для защиты восьми юношей-негров и спасения их от электрического стула.

В крупнейших индустриальных областях Соединенных Штатов были организованы массовые собрания, на которых белые рабочие и негры с одинаковой решимостью выставляли свои требования об освобождении узников Скоттсборо и вообще всех политических заключенных. 84-летняя Мэри Муни, мать Тома Муни, лидера рабочего движения, с 1917 года томящегося в тюрь-

ме, предприняла вместе с матерью одного из юношей негров, осужденных на казнь. Монтгомери, агитационный обезд по главнейшим пунктам Соединенных Штатов. Обе женщины, восторженно встреченные многотысячной аудиторией, выступали в десятках городов, призывая рабочих к пролетарской солидарности.

В Детройте, царстве Форда, митинг протеста прошел особенно воодушевленно, и тысячи рабочих, встречая мать Муни и мать Монтгомери на вокзале, огласили мощные своды Детройтской станции стройным пением „Интернационала“.

Том Муни прислал своей матери письмо из Калифорнийской тюрьмы Сен-Кентэн, благодаря ее за то, что она проявляет необычайную для ее лет революционную энергию, не щадя своих сил для проведения кампании за освобождение политических узников. Ты, — пишет Муни, — „как старая мать в романе Горького, которая взяла из рук павшего в борьбе сына знамя и неустрашимо понесла его в рядах демонстрантов, храбро сражавшихся против царского деспотизма старой России. Это для меня великая гордость и великая радость, что твоя материнская любовь не ограничилась заботами о сыне, о собственной крови и плоти, но ты требуешь освобождения и помощи осужденным горнякам в Харлане и жертвам Скоттсборо, так же, как и всем остальным политическим заключенным. С величайшим восхищением перед тобой—твой тебя любящий сын Том Муни, заключенный № 31921“.

Еще одна судебная инстанция должна рассмотреть дело узников Скоттсборо. Это—верховный суд САСШ. Он может отменить приговор, но он делает это только в том случае, если мощные голоса международного пролетариата зазвучат сильнее предостережением для американских палачей, а крепкая рука рабочего класса всех стран отведет руку убийц от рубильника электрического стула.

Умер Михаил Николаевич Покровский, крупнейший историк-марксист, один из лучших представителей старой ленинской гвардии, ученый-большевик, неутомимо борющийся за большевистскую партийность в науке. Огромной заслугой тов. Покровского является проведенная им блестящая борьба против буржуазной историографии. Свою научную работу М. Н. никогда

не отрывал от политики. Тов. Покровский был основателем и бессменным председателем Коммунистической Академии, заместителем народного комиссара по просвещению и председателем Государственного ученого совета и членом президиума ЦКК. В лице М. Н. Покровского марксистско-ленинская наука потеряла крупнейшего талантливого работника, преданного делу коммунистической партии.

Съезд испанской компартии. В Севилье открылся четвертый съезд испанской компартии. С большим подъемом представители рабочих организаций и рядовых рабочих Севильи единогласно избрали в почетный президиум т. т. Сталина, Мологова, Ворошилова, Мануилского, Пятацкого, Тельмана, Марти, коммуниста Пасквалье, которому удалось бежать из пловучей тюрьмы «Буанос Айрес», и др. С докладом о политическом положении в Испании и зада-

чак компартии выступил тов. Бульехос. Докладчик сделал подробный анализ деятельности правительства Асанья и особенно подчеркнул роль лидеров реформистского всеобщего рабочего союза в поддержке буржуазной реакции. С другой стороны Бульехос разоблачил политику контрреволюционного «рабоче-крестьянского блока» троцкиста Маурена и призвал к необходимости энергично бороться с оппортунистическими уклонами в испанской компартии. Среди многочисленных делегатов съезда имеется большое количество работниц. Мы помещаем здесь группу делегатов четвертого съезда испанской компартии.

ты налогов. Правительство принимает меры для борьбы с этим движением, посылая в деревни крупные отряды полиции «для конфискации земель у крестьян, отказавшихся платить налоги». По правянию властей, крестьянское движение направлено как против правительственных нало-

говых чиновников, так и против землевладельцев и ростовщиков. В годичном отчете вице-короля Индии отмечается «неудовлетворительное поведение» многих горных племен, в особенности племен Марги и Бигги. Здесь в замаскированной форме говорится о повстанческом движении, охватившем ряд индийских деревень, особенно в округе Назирабад.

На снимке: индийские крестьянские повстанцы.

Агитработа германских коммунистов. В связи со 2-м туром президентских выборов КПГ развернула штурмовую агитработу по всей стране, по всем городам и селам. В связи с угрозой войны против

СССР в Берлине состоялась конференция делегатов крупнейших берлинских предприятий и бирж труда, вместе с активом революционной профпозиции. ЦК КПГ опубликовало особое воззвание, призывав-

шее к организации стачек против изготовления военного снаряжения и для воспрепятствования военным перевозкам по всем водным и железнодорожным путям. На многотысячном митинге в Бреславе выступил тов. Тельман с призы-

вом к созданию единого революционного фронта, к борьбе за работу и хлеб и в защиту Советского Союза.

На снимках: сверху — демонстрация берлинских рабочих под лозунгом «За хлеб, свободу и социализм», внизу — демонстрация грудящих женщин, призывающих голосовать за рабочего кандидата Эрста Тельмана и за советскую социалистическую Германию.

В теме «разоружительной» конференции. Пока члены конференции по разоружению, отдохнув на пасхальных каникулах, съезжаются снова в Женеву для того, чтобы начать новую жвачку, пока шанхайские переговоры висят на волоске от срыва, японский

империализм расширяет свои вооружения и продолжает посылать новые войска в Китай. Недавно в Токио состоялось торжество «освящения» новых мощных бомбовозов, переданных японскому военно-воздушному ведомству. На снимке: церемония «освящения» бомбовозов.

Борьба испанского пролетариата расширяется под руководством коммунистической партии, приобретающей все большее влияние в широких массах трудящихся. В конце марта в Оренсе (провинция Галисия) была проведена всеобщая забастовка в виде протеста против увольнения строительных рабочих на железнодорожной линии Самора-Оренсия. Рабочие демонстрировали под красными знаменами и призывали всех трудящихся

к поддержке стачки. «Гражданская гвардия» открыла огонь по демонстрантам, убила одного рабочего и ранила нескольких. Не только в Галисии, но и в других провинциях Испании происходит ряд новых стачек. Полиция не останавливается перед жестокими репрессиями, расстреливая демонстрантов и бросая в тюрьмы лидеров движения.

На снимке: испанская полиция обыскивает прохожих в Сягасосе.

14-го апреля исполнилось два года со дня смерти талантливейшего революционного поэта Владимира Владимировича Маяковского. Поэт-индустриалист раннего футуризма, Маяковский предал огромной значимости путь отхода от мелкобуржуазных истоков своего творчества к подлин-

ному служению задачам пролетарской революции. В последний год своей жизни поэт выступил в рядах РАПП. Сила Маяковского в его умения критически осмысливать свой творческий опыт, в отрицании мелкобуржуазного догматизма, в революционной непримиримости. Из поэта-попутчика он сумел стать подлинным пролетарским поэтом, богатое наследие которого по праву принадлежит пролетарской литературе.

Иосиф Гайдна. Исполнилось двести лет со дня рождения Иосифа Гайдна, одного из крупнейших немецких композиторов, оказавшего большое влияние на развитие европейской инструментальной музыки. Автор многочисленных музыкальных произведений Гайдна охотно пользовался в стиле своей музыки приемами, родственными с приемами народного творчества. Здесь сказывается связь Гайдна с народом, из

которого он вышел (композитор — сын австрийского сельского ремесленника). Благодаря простоте мелодического содержания гайдновская музыка получила распространение среди широких масс, и его симфонии были излюбленными концертными произведениями в эпоху Великой Французской революции. Значение Гайдна заключается в том, что его творчество подготовило разрыв музыкального искусства с аристократической атмосферой салона и придало ему черты общедоступности, всенародности.

На снимке: Иосиф Гайдна.

ПЕСНЯ

НИКОЛАЙ НИКИТИН

(Отрывок из книги)

Шел штурвал дни и ночи. Дни и ночи лязгали на путях паровозы, плыли подъемные краны, выдыхали кузницы, харкала падающая земля. Открытый пролет машинного зала, как труба, прогонял сквозняк стеной ветер. У прораба Лозовецкого выли зубы и надуло чудовищный флюс. Он повизгал щеку шерстяной косышкой и не оставлял работ. В углу зала, за фанерой своей конторки он расставил козлы. Ни днем, ни ночью он не покидал строительства. Сюда же уборщицы таскали ему из столовой судок с серой лапшей или капустный суп, в шутку называемый щами. Комсомольцы смеялись, что Лозовецкий в турбине разводит клопов. Он сердито плевал. Это был старый застройщик, с мальчишек прошедший тяжелую школу... Она началась давным давно—с зуботычин.

Днем жара и зной сушили его кости, ночью—от испарины и сквозняков ныли его ревматизмы. Но Лозовецкий не сдавался. И никто не знал—сколько ему лет. Не то шестьдесят, не то семьдесят. Как легенда, ходил по строительству этот человек. Люди, связанные обязательством и дисциплиной, противопоставляли свой труд сотням неудобств, нищеты, прохор. Самые будничные дела становились удивительными. Люди преодолевали трудности жизни. Люди теряли лентьев, усталых и больных. Люди, примиряясь с потерями, все же неуклонно шли вперед.

Немцы, собиравшие конструкцию градирной башни, заговорили по-русски.

Наверху, на высоте сорока метров, под сверкающим солнцем, немцы ходили, как гимнасты, по тоненьким рельсам конструкций, балансируя стальной пластиной.

Это было цирком. Внизу на бетоне фундамента лежал синий чертеж. Сверху кричали немцы: „фюф унд фирчих“. Немец-техник распорядился внизу русскими. Он говорил: „Канат держи не надо. Давай пластин шорок пять“. Русские повторяли: „Давай планка сорок пять“. Немцы кричали с конструкции: „Обэн! Обэн!“

Молодого немца наши рязанцы и костромичи по-просту звали Андрюшей.

— Обен, Андрюша, обен...

Андрей, оторвавшись от чертежа, командовал: „Зю! Дай пластин шорок штыре!“

И тут его поправляли рязанцы, указывая наверх башни мятыми, большими пальцами с черными, потрескавшимися ногтями.

— Андрюшка... Тамо! Тамо! Гнеть!

Андрей секунду переводил рязанский язык на русский, русский на немецкий и со вкусом восклицал: „Ага. Рихтиг! Давай блёк“.

— Нету,—говорил наш.

— Иди склад.

— Нету склад! Склад закрыт,—говорил наш.

— Почьему?—немец не понимал.

— Склад выходной, а второй кладовщик болен... Понимаешь... Кладовщик...

— Шорт!—немец краснел и ругался:—иди на французен. Давай блёк!

Наш отправлялся к французам за блоком, и минут через пять с монтажника котлов прибежал капризный Симон. Молдой, стройный, в желтом жилете из замши, в лакированных крагах, он казался, как солнечный луч. Бросая блок, кричал немцу.

— Ан-дрюш... Тьён!

— Что здесь случилось?..
— Так, ничего. Теперь уж все дело улажено.

(Шекспир)

В час дня в поселковой столовой собиравлись люди, из тех—кто не успел пообедать в цехах. На крыльце дежурил скучный парень. В столовую не пускали. К дверям была приклеена записка: „По случаю перерыва закрывается в 8 часов“. Спрашивали, сердясь надуть: „Что значит в восемь?“

— Ну, до восьми стало-ть...

Парень говорил падающим медлительным фальцетом. Он уже пообедал и спокойно плевался.

— Так и пишете по-русски!—ожидающие свирепели.

— Так и пишут!—лениво ответил парень. Скандал созрел. На крыльцо вышел рыженький зав—в пестрых носках, в рыхлых ботинках, в длинной кавказской рубахе. Сыроматный ремешок поддерживал ему брехо. Он обещал открыть через час. Скопился очередь, томясь, насупленно. Солнце издевалось. Миллионы мух летели на кисею.

Из-за угла вышла старуха. Она вела за руку двоих слепцов в черных нанковых брюках и в сандалиях. Они встали у крыльца. Вынули из футляров скрипки. Молодой, наморщенный брови, прислушался к толпе. Старик сел на футляр. Сухими пальцами скрипачи попробовали звук, потрогали струны смычком, натянули их потуже на колках. Потом опустили смычки. Секунду скрипачи смотрели в землю. Глаза лежали в глазницах недвижно. Около скрипачей струной вытянулась старуха. Она одета была аккуратно—в чистом ситцевом платье, белым платком повязана голова. Скрипки сразу взяли мелодию. Очередь насторожилась. Сильней и шире размахнулись смычки. Первая скрипка пела молодым и счастливым голосом. Вторая еле попевала за нею, держа на поводу ее молодой, нерасчетливый пыл. Первая остановилась. Перелдохнула. И, вырвавшись, побежала дальше.

Толпа окружила слепцов. Райка—техсекретарь ичейки монтажников—стояла тут же. Она не понимала песни. Но она не могла уйти, потому что скрипка должна была ей рассказать... Райка сердилась. Слепцы будили воспоминания.

Она родилась здесь на реке, у самых верховьев, вблизи рыбных косяков, желтого моря и сожженных плоскогорий. Еще три года тому назад она ездилась с мужем в Моздок. Надо было зарабатывать деньги. „Да, надо было зарабатывать деньги“. Тогда все было иначе... Она играла на итальянской гармонии, муж на баяне, а свекор на скрипке. „Все было иначе! Все было иначе...“ Моздок стоял в предгорьях. Мел мазанок, колючий плетень, растекшийся шлях и напудренные жирной пылью кучи садов. В коричневых, длиннотрельх кувшиках поживает влага, полная бредя—кисленькое и необычайное вино моздокской лозы. В Моздоке—пусто... И когда заивал армянин, он не умел жить без музыки. Муж знал наизусть сто лезгинок. Они играли, а люди пели, танцевали и сходили с ума. У Райки насмешливые, опасные глаза; подернутые серой пылью толстые ноги и кожа, как апельсин.

Нехорошо человечеству бредить. Но при чем же тут вино и песни! Если человек сошел с ума? Разве убийство не бывает случаем? Разве не вино исцеляет желудок, испорченный таганрогской рыбой? Разве не пужна нам песня, когда мы устали...

Что делать—армянин сошел с ума... Армянин был арестован. И председатель моздокской власти выставил их. „Прямо, точно сказать, вышиб...“ Они покидали Моздок... На возу сверх клади лежала итальянская гармонь, за ней баян и скрипка. Свекор мрачно глядел с воза, болтал ногами. Черные узкие пальцы и притаенные глазки делали свекра коршуном. Муж шел сбоку, попуская волов. А Райка выступала плавно, приняв в дар от последнего кавалера последний кувшин. Там в вине плавала для запаха роза.

По история приманила и Райку. Райка стала членом профсоюза. Райка была избрана на губернский конференцию женщин, с того дня круто повернулась жизнь.

Муж теперь далеко, он кондуктором на астраханском трамвае. Мужа нет, он пьет... „Он пьет... Ну что ж...“ по выходным дням играет в пивной. Бывает, что по ночам приходится вздыхать.

Приходится вздыхать.

Старуха поправила платок, вытянула шею... Кадык задергался, голос у нее отворачивательно задрезжал, как горошина в свистке. Старуха, догнав скрипку, запела плохо-написанную, глупую песню, но люди слушали ее.

Цела старуха о соблазненной девушке, о кафантане, о том, как девушка воспитывала сына вдали от своей порочной жизни. Сын на стороне рос и учился. Пришла революция. Женщина пошла за границу. Сын сделался инженером. Сын никогда не видал матери и не хотел ее видеть. Время идет. Случилось и сыну попасть туда, он исполнял поручение. За ужином в ресторане встречает он женщину, он с ней знакомится... Ночью—мать узнает своего сына. Сын проклинает ее. Недопито вино, мать размешивает в нем традиционную отраву и пьет.

Это был уличный „комплекс Эдина“. Слепые скрипачи сидят бесстрастно. Они уснули. Только руки играют смычком. Люди в шапку набросали кучу медяков.

Чем же им понравилась эта песня? Чем? Чем?

Иначе... Иначе бы люди не ждали второй...

Опять поднялись смычки. Старик приставил свою скрипку к молодому... Опять молодой легко взял мелодию. Но в это время к нему подошел начальник милиции и остановил его.

— Разрешение есть?—спросил он и спокойно положил руку на плечо слепца.

Молодой встал и медленно, не снимая его руки, ответил.

— Какое? Нам в городе ничего не говорили.

— Ну, уходи...—убеждал его начальник милиции:—Пой там, в городе. Знаешь, что и в городе без разрешения нельзя.

Рабочие, молча, столпились около них.

Старуха подняла с земли шапку, наполнив ее деньгами.

— Я не знал... это в городе...—пробовал убеждать слепой, односторонно и равнодушно.

— Уходи же...—повторил начальник.

Слепцы сложили скрипки в футляры. Кто-то сказал: „Они тоже хотят работать. Разве у них нет квалификации. Не всякий сумеет так сыграть“. Другой: „Да это пустобрех. Положил бы пятерку в чашку“.

Начальнику стало неловко. Щеки его распухли, как помидоры. Точно шторы он спустил на глаза и молчаньем забронировался от взглядов. Слепцов смыло в стену.

Вечером негодовала Райка: „Не разрешает... Да! дай же нам песню, чтобы ночь“...

— Что ж тебе милиция пестельником станет...— сказал Лобанов.

— Пусть сочинит, а потом гонит,— упорствовала Райка.— Пусть сочинители дадут, чтобы за нерв хватало. А что они дают? Мочалу!

Разговор шел в красном уголке барака. Несся из-за досчатой стенки крик. Там парни спорили с завхозом о койках.

Лобанов, по-стариковски сдвинув очки на кончик носа, дочитывал газеты. Крик мешал. Непрестанно мигала желтая лампа—моторы работали с перегрузкой. Было поздно. Лобанов встал; крик ему опротивел. Он вошел в барак. Завхоз кинулся к нему за помощью.— Лобанов,— позвал он:— комсомольцы требуют роскоши!

— Не роскоши, а возможности...— поправил Лобанов.

— Три метра, Лобан... Повнимаешь... Три метра,— надрылся Алька...

Лицо у него исказилось. Стал он похож на беспризорника. В истерике, чтоб разоздрать, дернул на себе рубаху. С яростью и злобой он приступал к завхозу. Завхоз

потел, пробуя шутить, униженно улыбался.

— Ребята же,— раскланывался он:— не мое же распоряжение. Распоряжение администрации же...

— Врешь, фрайер...— бесновался Алька:— пусть директор ляжет на три метра. Райка прибежала:— Аля... Ты что, с гвоздя сорвался?

— Гробы подай!
— Вот видите!— Завхоз бычился...— Видите... А я же коммунист. Я гражданскую войну прошел... Я, товарищи, полк водил...

— Ну, будет...— Райка взялась за завхоза:— Завтра мы придем в Совет коммуны.

— Вот, честью бы... Чудесно.— Завхоз опять улыбнулся. Он обдернул на себе черную люстриновую толстовку. Она сидела на нем, как форма.— Ах, ребяташки... Ах, ребяташки...— умилился искренно завхоз:— а как же дальше-то будет... Вот поженитесь. Вот детишечки у вас пойдут. Как же тогда...

Он сокрушенно покачал головой. Лобанов и завхоз вышли из барака. Лобанов пошел проводить завхоза. Они шли мимо огромного пустыря. Пустырь был обнесен в два ряда колючей проволокой. За про-

волокой рос питомник—тополя, дубы и липы. Их насадили этой весной. Через тридцать-сорок лет здесь подымется прохладный, стройный парк, протянется веселые аллеи... Цветы будут благоухать. Прилетят птицы. В центре парка у белого павильона театра будет бить большой многоструйный фонтан... Бараки снесут. И окна солнечных красивых домов будут обращены на парк—к югу. По ночам окна останутся открытыми, чтобы наполнить комнаты ночной свежестью и ароматами парка.

Завхоз молчал. Он побаивался Лобанова. Он не знал, что ему скажет этот, уже ответственный человек в цехе.

— Вот...— плакался осторожно завхоз:— понимаешь... Шпана меня кроет... А было ж время, полк своею же грудью водил.

— Все водили,— сухо ответил Лобанов.

На Главной они расстались. Лобанов сурово попрощался с завхозом.

— А ты устрой... Нельзя отказывать ребятам! Обидно.

— Да я... Был я человек военный...
— Ну... Понял—и все!
Простились еще раз. И завхозу стало легче.

Польская работница

Рассказ П. Нель

По улицам Варшавы движется демонстрация. Идут демонстранты между летящими автомобилями, грузовиками, спешащими и стоящими на трамвайных остановках людьми.

Мужчины и женщины. Старые и молодые. Не легко демонстрировать в Варшаве. Вообще быть коммунистом в Польше труднее, чем где-либо. А выйти на улицу вместе с другими, заглянуть в глаза смерти, встретившись с полицейскими—это героизм.

Поэтому на лицах шагающих по улицам рабочих и работниц лежит выражение твердой воли и решимости. Несмотря на полицию, увольнение и тюрьму, демонстранты знают, к какой цели стремятся.

— Сумасшедшие! Дураки!— кричит Лидия, жена железнодорожника Станислава Совацкого.— Что вам с того, что вы идете по улице? Только пулю можете получить в спину или голову у вас отлетят.

Станислав не отвечает и ловит ложкой какие-то кусочки в водянистом супе. Потом отодвигает тарелку и подымается. Лидия продолжает еще что-то говорить, когда Станислав направляется к выходу. Собираясь открыть дверь, Станислав вспоминает, что Лидия обычно начинает орать о том, что не знает, что будет с детьми. И он чувствует, что, несмотря на то, что он всегда уговаривает товарищей не бить своих жен, он сам, коммунист Станислав Совацкий не сможет сдержаться, если она и сегодня начнет вопить.

Но он все же сдерживается. Он ясно, как никогда, сознает, что выход, конечно, не в том, чтобы избить измученную несчастную женщину. И он заставляет себя вернуться, чтобы раз'яснить все жене.

Лидия молчит.
Станислав открывает дверь и выходит. Когда он спускается по лестнице, он вдруг слышит за собой шаги Лидии. Он с удивлением видит что-то новое в ее лице. Он останавливается. Лидия подталкивает его, и они вместе молча шагают дальше.

По улице идет демонстрация. Демонстранты по временам останавливаются и глаза всех обращаются на стоящих в очереди. Затем двигаются дальше. Каждый

момент может нагрянуть полиция. А это значит, что каждый стоящий по близости может быть избит. Даже те, кто не принимает участия в демонстрации. Потому что дубинка полицейского не разбирает. Она только бьет.

Демонстранты поют:

*Братья, красное знамя
Ведет для нас вперед.*

Раздаются возгласы:

— Мы не хотим больше голодать!
Появляются полицейские автомобили.
— Долой полицейскую диктатуру!
И в то время, как на толпу сыплются удары и со всех сторон раздаются вопли раненых, слышны грозные выкрики!
— Долой! Долой! Долой!

Лидия арестована.

Как это случилось, она не знает. Когда она очутилась в камере, у нее нашлось время для размышлений. Она шла в демонстрации рядом с мужем. Все пели. Явилась полиция. Затем она увидела только прыгающие резиновые палки и занесенные над ее головой кулаки. Станислава она не видела. Потом ее повезли в полицейский участок.

Арестованных одного за другим вызывали на допрос. О чем ее будут спрашивать? Что ей отвечать?

Прежде, чем она успела подумать, открылась дверь. Ее повели на допрос. Большая комната. Посредине длинный стол. За ним полицейские офицеры. В штатском. Везде стоят полицейские. Пахнет потом и кожей.

— Как вас зовут?

Лидия смотрит на спрашивающего. Увидев его лицо с круглым подбородком, прищуренными глазами и полуоткрытым ртом, она испытывает такое ощущение, точно ее кто-то подтолкнул. Она пошла, что это допрос и что не нужно ничего говорить. Ответила громко:

— Лидия Совацкая.

— Кто послал тебя на демонстрацию?

Лидия молчит.

— Хорошо научена,— вполголоса говорит один из стоящих.— Подожди, голубушка. Отвечай, или...

Лидия молчит.

Офицер обращается к одному из стоящих около него:

— Пощекочи ее.

Полицейский быстро приближается к Лидии, раздвигает коленом ее ноги и хватает ее за грудь.

— Что вам от меня нужно?— кричит Лидия.

Вся свора ржет.

— Вокрете с беззащитной женщиной!

Офицер вскакивает. Глаза его горят.

— Я покажу тебе, большевистский подголосок!

И он бьет ее по лицу.

„Допрос“ продолжается.

— Какие большевики послали тебя на демонстрацию?

У Лидии нет больше сил. Она решительно бросает им в лицо:

— Я покажу их вам.

Полицейские озадачены. Засыпают ее вопросами.

— Кто?—Имя?—Говори!

Ей пододвигают стул. Лидия улыбается.

— Говори, стерва!

— Я покажу их вам. Пойдем сначала ко мне на квартиру.

Полицейские молча переглядываются. Дело серьезное.

Подают автомобиль. Лидия в сопровождении двух ещичков и трех полицейских садится в него.

Через двадцать минут автомобиль останавливается перед домом, где живут Совацкие.

Лидия входит. За ней следуют полицейские.

— Ах, чертовка! В какую дыру ты завела нас!— шипит офицер.

Лидия открывает дверь. Кисловатый запах обдает входящих. Дети, увидев мать, бросаются к ней и начинают кричать, прося есть. Лидия замечает, что ее провожатые стонутся, боясь испачкаться.

— Хорошая дыра?— спрашивает Лидия.

— Да, да,— быстро отвечает офицер.— Где же ваши вожаки?

Странная усмешка пробегает по опухшему от побоев лицу Лидии. Она указывает на просящих хлеба детей.

— Вот большевики, пославшие меня на демонстрацию.

Перевела М. Зельдович

Мастерская творческой мысли

Очерк Арн. Млодина

Немецкий инженер изобрел вечную спичку, зажигающуюся шестьсот раз. Шведский спичечный концерн уплатил изобретателю огромные деньги за изобретение и... положил изобретение под сукно. Американский изобретатель сконструировал модель сверхмощного паровоза, производящего переворот в железнодорожном транспорте. Акционерное общество купило за крупную сумму эту модель и... сожгло ее. Английский техник предложил энергетическому тресту проект двигателя. Проект погребен в портфеле предпринимателя.

Этот мартиролог беславно погибших идей и проектов можно пополнить огромным количеством новых и новых „покойников“. В крематории научно-технической мысли Запада покоятся десятки и сотни урн с пеплом сожженных изобретений.

Хаос капиталистического производства не в состоянии справиться с движением научно-технической мысли. Более того, — уже самая изобретательская мысль в странах капитализма начинает переживать жесточайший кризис, кроме, конечно, изобретательства в военной промышленности.

Всемирно известный рост изобретательской мысли у нас в СССР. Всем известно, какой значительный удельный вес имеет массовое рабочее изобретательство в показателях социалистической промышленности, какой массовый характер носит наше изобретательство, с какой повседневной заботой относится социалистическое государство к изобретательскому движению.

В свете этих очевидных и значительных истин становится ясным тот смысл, какой имеет организация в Ленинграде университета рабочих изобретателей. Можно ручаться, что ни в одной стране мира нет такого университета. Ибо подобное явление по самой природе своей возможно только в социалистической действительности. Потому что только в социалистической действительности изобретательство носит не случайный, но массовый характер. Только в социалистической действительности есть простор для выявления народных талантов, которых, по словам Ленина, „капитализм млял, давил, душил тысячами и миллионами“.

Историческая случайность, являющаяся одним из выражений закономерности, сделала Васильевский остров средоточием научной мысли Ленинграда. Здесь находится Академия наук, Университет, Академия художеств и десятки научно-исследовательских учреждений. Здесь находится и Университет изобретателей, насчитывающий 4 месяца существования.

Люди, орудовавшие днем при помощи фрезы, напильника, лекала и молотка, орудут вечером логарифмической линейкой и крой-циркулем. На университетских скамьях за бесстрастными столами собрались они, олицетворяющие собой с предельной выразительностью существо восходящего класса, завоевывающего высоты знаний. Идеальное содержание великой стройки, ее пафос, социалистическое соревнование миллионов — вот что толкает этих людей на трудную вечернюю учебу.

Вот за черной клеенкой стола сидит, углубившись в теорему, Василий Николаевич Трунев. Линия его биографии чрезвычайно выразительна, чрезвычайно характерна. Красногвардеец — один из организаторов Красной гвардии в Москве, в Лефортовском районе — он становится военкомом Красной армии, а, уйдя на завод, сразу же выделяется как пылкий и беспоконный изобретатель, как вдохновенный инициатор многочисленных рационализаторских предложений, вносящий рационализаторские коррективы в любой производственный процесс, с которым ему приходится сталкиваться. Так, например, во время окраски домов в Ленинграде проходим приходилось любоваться замечательным аппаратом, производящим механиче-

заставило преодолеть все „привходящие обстоятельства“, как выражается Костромичин. Костромичин — автор ценнейших изобретений и рационализаторских предложений, дающих десятки тысяч рублей экономии в год.

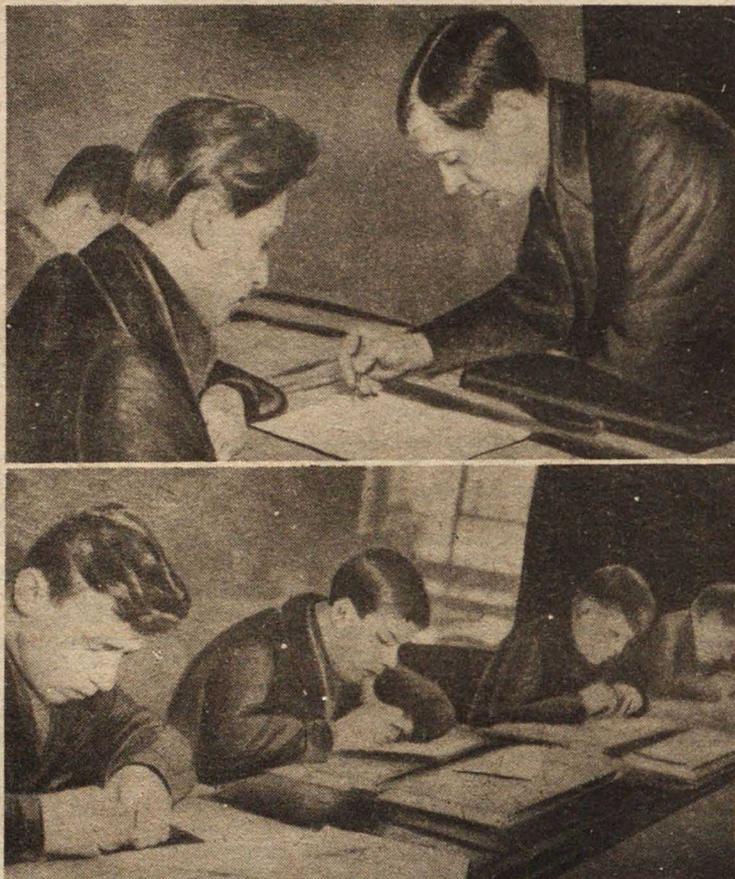
Вообще как-то необычно видеть такой концентрированный раствор изобретательской мысли, такое количество изобретателей, собранных вместе. Вот они сидят рядом Хорев, Коровин, Юзьяк, Ори-Дорога — каждый из них дал стране десятки тысяч рублей экономии.

Женщина изобретательница — явление необычное в капиталистических странах, где „сфера действительности“ женщины на производстве чрезвычайно ограничена. А в Ленинграде недавно состоялось собрание женщин-изобретательниц, собравшее несколько сот человек. Одна из них — Ксения Колчина, двадцатилетняя комсомолка, учится в Университете изобретателей. Ксения Колчина — председатель цеховой ячейки изобретателей на заводе „Электросила“. В настоящее время Ксения Колчина работает на советской конструкторской высоковольтной машины «кшелсьенор для изоляции, импортируемой из-за границы».

Если типизировать биографии учащихся Университета изобретателей, то можно найти два основных типа жизнеописаний — „отцы и дети“ — рабочая молодежь и старые рабочие корни, за плечами которых десятилетия тяжелой борьбы. Но все они представляют собой наиболее ценное в рабочем классе, людей творческого ума, испытанных энтузиастов большевистской техники, людей нового качества.

Песомненно, конечно, что в нынешней деятельности университета изобретателей имеются существенные недочеты. Вернее, все эти недочеты с успехом укладываются в один основной методологический недочет. Дело в том, что специфика университета, как именно изобретательского вуза, недостаточно выявлена. Самая методология учебы на сегодняшний день мало чем отличается от всякого другого вуза. Однако, может быть, это до некоторой степени естественно на первых порах учебы. В ближайшем же будущем профиль университета должен существенно измениться в сторону приближения его к основному заданию — быть воспитателем и школой изобретательской мысли. Необходимо оборудовать экспериментальные кабинеты. Необходимо организовать постоянные научные консультации по вопросам изобретательства. Наконец, необходимо путем методологической перестройки увязать всю учебу с изобретательской практикой слушателей.

Конечно, повторим, в работе изобретательского университета, который находится еще в стадии организации, есть еще много срывов и ошибок, но все же идею и опыт университета для изобретателей должны перенять крупнейшие пролетарские центры Союза, для того, чтобы во всей полноте осуществить четвертое условие тов. Сталина — „добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция“, штурмующая крутые бастионы техники.

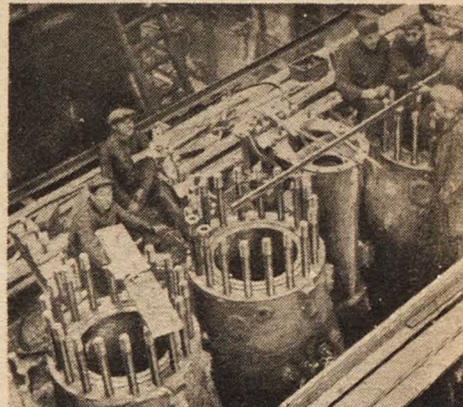
В Университете изобретателей. Наверху — инженер Комяков прорабатывает задание по электротехнике со студентом Смирновым; внизу — в чертежной университета

скую окраску зданий. Если один маляр может выкрасить в смену 75 кв. метров, то аппарат одолевает 1500 метров.

Механическая окраска зданий — это одно из изобретений Трунева. Сейчас Трунев с огромной серьезностью постигает теоретические начала в Университете изобретателей. Он пришел сюда за черным хлебом науки — за элементарной алгеброй, за основами физики и механики.

Бригадир Костромичин сегодня в первый раз опоздал на лекцию. Поезд повел! Дело в том, что Костромичин живет в Колпино и работает на Ижорском заводе старшим мастером по холодной штамповке металла. После работы Костромичин почти ежедневно садится в поезд и едет в Ленинград в Изобретательский университет. Обратный домой хорошо если попадет к часу ночи. А ведь Костромичину уже за сорок лет и семья — шесть человек. Но четкое сознание необходимости подвести теоретическую базу под изобретательский пыл

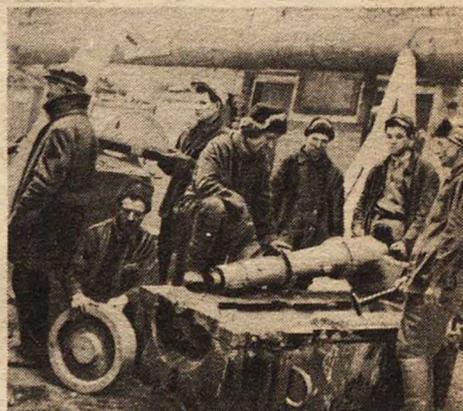
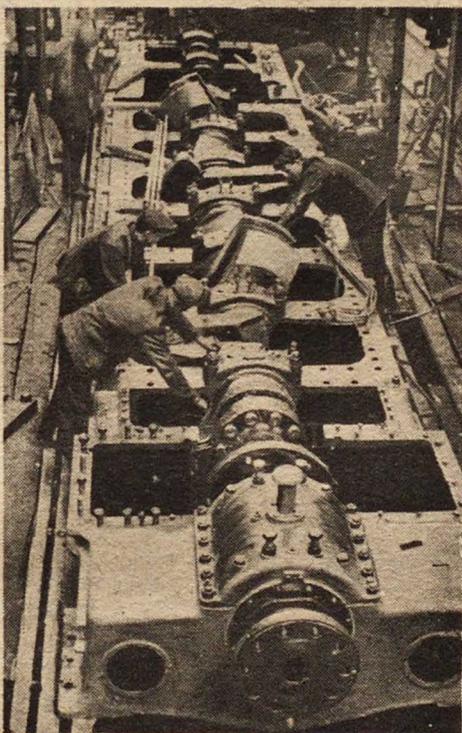
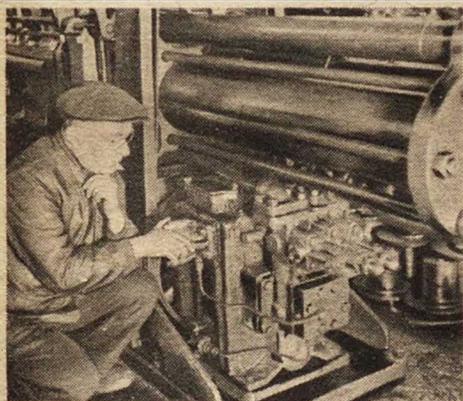
Все своими руками, из своих материалов, своими машинами

В Ивановской области построен первый в Советском Союзе термозавод, вырабатывающий изоляцию для железнодорожных ивотермических вагонов и спрессованные пластины для отопления стандартных домов.

Завод „Русский дизель“ в Ленинграде приступил к серийному производству сверхмощных дизелей в 3.250 лощ. сил.

Опытная установка фабрики „Пятилетка“ выпустила первые образцы советской искусственной шерсти. В настоящее время на территории фабрики заканчивается постройка большого производственного корпуса, в котором впервые в СССР будет развернута массовая выработка искусственной шерсти. Новый корпус будет ежедневно выпускать 2.250 килограмм искусственной шерсти.

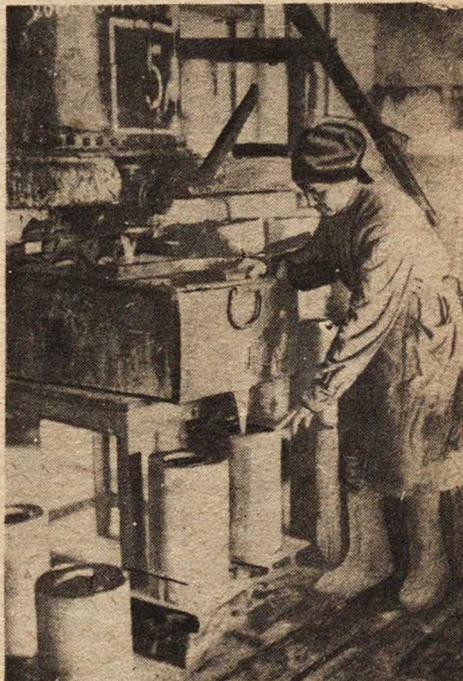

Главный механик завода им. Андреева в Таганроге т. Пруденко разработал проект советской завалочной машины для завалки шпхты в мартеновские печи. Время завалки сократится на 2-3 часа. Ударная хозрасчетная бригада модельщиков т. Гуржиенко выполнила модели деталей завалочной машины полностью и до срока.

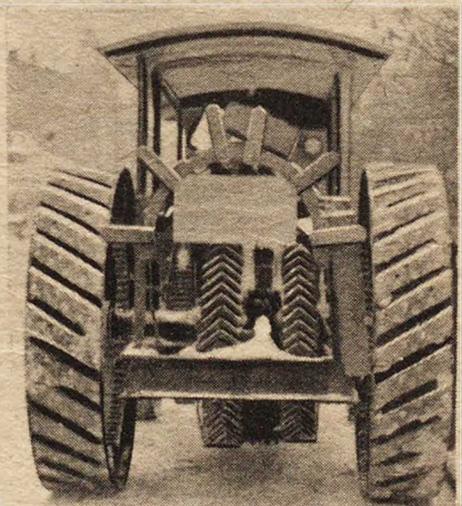
Впервые в СССР на Сталинградском заводе изготовлены целиком из советского материала гидравлические масляные насосы

На Харьковском паровозостроительном заводе имени Коминтерна изготавливаются в настоящее время дизели мощностью в 1.200 лощ. сил.

Ирславский лакокрасочный завод „Победа рабочих“ налаживает выпуск быстро сохнущих автомобильных лаков для Нижегородского Автозавода и завода им. Сталина. Раньше эти лаки ввозились из-за границы.

Первый советский электропflug, конструкции Орловского завода им. т. Медведова.

Ирславский машиностроительный завод „Пролетарская победа“ приступил к выпуску различных машин для лесоразработок. На с и м к е: отделка рам для механических пил.

№ 57
1937

Обыкновенный мир. Смоленский рынок. Аптека (молочные банки с красными крестами, зубные щетки, телефон-автомат). Тесная булочная. Лотошники. Милиционер на маленькой трибуне поворачивает рычажок светофора. Все в порядке. Ничто особенно не поражает.

Но в пяти шагах от всего этого, у начала Плющихи, тесно сомкнувшись, стоит кучка людей из другого мира. Они ждут автобуса № 7.

Какие странные разговоры ведут они между собой!

— Да. Ему вырвали двенадцать зубов. Так надо было по режиссерской аксиоме. Вставили новые. Фабрике это стоило массу денег, потому что в гослечебнице заявили, что здоровых зубов они не рвут. А частник... Можете себе представить, сколько взял частник?..

— Ну, как, обсуждали вчера короткометражку „Чресла недр“?

— Провалили.

Расхлестывая весеннюю воду, подходит автобус, и в поднявшемся шуме теряются горькие фразы о чреслах, зубах и прочих кинематографических новостях.

Ехать надо далеко.

По элегантному замыслу строителей московской кинофабрика воздвигалась с таким расчетом, чтобы до нее было бы как можно труднее добраться. Пужно прямо сказать, что замысел этот блестяще осуществлен.

Автобус доставляет киноработников и посетителей к мосту Окружной железной дороги и, бросив их посреди обширной тундры, уезжает обратно в город.

Киноработники, размахивая руками и продолжая интересную беседу о чреслах, совершают дальнейший путь пешком и вскоре скрываются между избами деревни Потылихи. Они долго идут по деревне, сопровождаясь пеньем петухов, лаем собак и прочими сельскими звуками, берут крутой подъем, проходят рощу, бредут по проселку,

Войти в комнату нельзя, а в ответ на стук раздается недовольный рев. Как же узнать, здесь ли находится нужный работник, из-за которого почтенный посетитель долго ехал в автобусе № 7, шел по деревне, пересекал тундру, останавливался на подеме, чтобы схватиться за сердце, нес в руках калоши и обманывал бедного швейцара! И стоит он, прильнув к замочной скважине, далеко отставив зад, как воде-вильный герой, в шубе и шапке. И кашне ниспадает с шеи до самого пола. И все проходящие с проклятиями натываются на него.

В коридоре тоже идет своеобразное заседание. Сюда, в коридор, люди приходят с утра и уходят отсюда только вечером.

Здесь любят и умеют поговорить. Высказываются смелые суждения, критикуются начинания, кого-то ругают, что-то хвалят, без конца обсуждают неудобства географического положения фабрики.

Но есть на фабрике другие коридоры, где никто не толчется, где в комнатах постановочных групп идет работа. Есть огромные павильоны. Там деловой воздух. Он очищен от коридорного бреда. Там не шепчутся, не стоят в сторонке, саркастически обсуждая, справится ли новое руководство с прорывом или не справится.

Там хотят, чтобы прорыва не было. Замысел обростает декорациями, идет проба актеров, фильм начинает жить.

И когда, выходя оттуда, снова попадаешь в порочный коридор, уже без особенного испуга слушаешь неустанную трескотню неудачников, елочников, маломощных теплов и разобитых авторов актуального сценария, где изобретатель что-то изобрел, у него это что-то кто-то украл и что из этого вышло.

День кончается.

В полутьме коридора ослепительно сверкает чья-то улыбка. Надо полагать, что

Не понравилась улыбка...

улыбается тот самый актер, которому втавили казенные зубы.

Чорт возьми! Как будто улыбка в самом деле не на все это. Есть в ней действительно какой-то небольшой процент нейтральности.

Но это не важно, не страшно. Важно миновать болтовню в коридоре и начать работать.

Как говорят на кино-языке:

— Начали, пошли.

Вот это самое главное.

Сквозь коридорный бред

Оставить...

— А в чем дело?

— Подача материала при объективно правильном замысле субъективно враждебна. И потом там 30% нейтрального смеха и процентов двенадцать с половиной не нашего.

— В АРПК'е не любят нейтрального смеха. Там за нейтральный смех убивают. И потом там 30% нейтрального смеха и процентов двенадцать с половиной не нашего.

— В общем Виктору Борисовичу поручили „Чресла“ доработать.

— Ну, вот, приходит он с новыми зубами в павильон сниматься. Ничего. Начали. Пошли. Улыбнитесь. Улыбнулся. И тут — стоп! Отставить! Не понравилась улыбка.

— Ая-яй-яй!

— Да, да. Говорят — не та улыбка. Не чисто пролетарская. Есть, говорят, в этой улыбке процентов 28 нейтральности и даже какого-то неверия. Со старыми зубами у вас, говорят, выходило как-то лучше. А где их теперь взять, старые зубы?

— А я знаю случай...

— Подождите. Я же еще не сказал самого интересного. По поводу этих самых „Чресел недр“ завязался принципиальный спор. Стали обсуждать творческий метод режиссера Славья-Славского. А зима между тем проходит, а по сценарию надо снимать снег, а промфинплан весьма и весьма невыполнен. Тут Иван Васильевич не выдержал. „Раз так, то ваш творческий метод мы будем обсуждать в народном суде“.

— А зубы?

— При чем тут зубы. Зубы это по фильму „И дух наш молод“.

— Какие странные разговоры!

и очень, очень нескоро открываются перед ними величественные здания кинофабрики, обнесенные тройным рядом колючей проволоки. Впечатление таково, будто фабрика Союзкино ожидает неожиданного ночного нападения Межрабпом-фильма и приготовилась дать достойный отпор.

Мимо павильона-сторожки, по фасаду которого выведена большая гранитная надпись „Выдача пропусков“, все проходит и останавливается, потому что пропусков здесь не выдают. Выдают их в другой сторожке, на полкилометра дальше, где, однако, о пропусках ничего не сказано. Нет ни гранитной надписи, ни даже извещения, напаранного химическим карандашом.

В вестибюле равнодушный швейцар предлагает снять калоши. Посетители с неудовольствием выполняют это требование, но калоши внизу не оставляют, а с независимым видом несут их в руках, чтобы за первым же лестничным поворотом снова их надеть. Так, в калошах, они и бродят весь день по фабрике. Почему они так любят свои калоши? Почему обманывают бедного швейцара и не сдают калоши в гардероб — непонятно. Впрочем, многое странно на кинофабрике.

В коридоре, куда выходит много дверей, стоит согнувшись пожилой почтенный человек и смотрит в замочную скважину. Ему хорошо известно, что подглядывать стыдно, но другого выхода у него нет. На двери, над его головой треп щет бумагошка:

Здесь идет заседание.
Не стучи! Не мешай!

— Говорят, что паводок в этом году будет что надо!

— Опять нас отрежет от города.

— Вот увидите, как только пойдет мажайский лед и нас отрежет, бухгалтерия объявит вылату гонорара. Они хитрые. Знают, что никто за ним не сможет приехать из города.

— Ну, я вылавь доберусь!

— Скажите, что же наконец произошло с „Чреслами недр“?

— Очень просто. Автора закопсультировали.

— Что это значит?

— Одним словом, залечили.

— Не понимаю.

— Сразу видно, что в кино вас перебросили недавно. Ну, заболевает человек ангиной, а его лечат от тифа. Не помогает. Ставят банки. Не помогает. Делают операцию аппендицита. Плохо. Тогда вскрывают череп. Как будто лучше. Но больной вдруг умирает. Так и с „Чреслами недр“. Законсультировали.

— Между нами говоря...

В коридоре неожиданно наступает тишина. Все начицают шептаться. И что же в конце концов произошло с „чреслами“, так и остается невыясненным.

Стены коридора дрожат от слухов и кино-анекдотов. Иногда кажется даже, что заседание за закрытой дверью будет продолжаться вечно и что человек в шубе и кашне никогда в жизни не найдет пужного ему работника.

...калоши внизу не оставляют, а с независимым видом несут их в руках...

И стоит он, прильнув к замочной скважине...

„Я обехал страну. Я не видел нигде умирающих с голоду крестьян. ...Погибают только слабые. ...Нарождается румынская буржуазия.“

(Из речи министра-президента Йорда)
„В Румынии никто не умирает с голоду“ (Из школьного книги)

Голодный испытает все, голодный рискнет многим ради какой-нибудь работы, ради кусочка хлеба, ради просвета в жалкой жизни...

В ноябрьский дождь, в декабрьскую метель, стужу сотнями бродят они у Центрального рынка (на „базаре труда“).

Местные и дальние. Городские и деревенские.

Бродят туда-сюда, кругом рынка, между палатками: не найдется ли что-нибудь сунуть в карман, не попадет ли щепоточка табаку. Это больше всего городские, деревенские же почти не трогаются с рынка. Они стоят на месте, промокшие ваткой, подмышкой или под дырявыми куртками у них маленькие узелки, они их крепко прижимают к себе. Руки засовывают глубоко в рукава, защищаясь от холодного ветра. Дрожат и припльсывают на месте. Через разорванные ланты до самой кожи просачивается ледяная дождевая вода. От вечного сна на воле, от вечного лежания на земле то и дело кряхтят, кашляют, плюют.

Иные беседуют между собой. О деревенских, о близких душе делах.

— Если бы у моей жены хватило ума не таскать кукурузу домой. Пока хозяин был на работе, жена убрала кукурузу. А тут на следующий день ее и накрыли, наложили арест на кукурузу и забрали ее вместе со стеблями за долги. Если бы только она унесла к зятю, нам не пришлось бы всю зиму голодать.

— Ну, вот! Будто бы у зятя не нашли бы. Да он и сам мог пойти доказать. Разве вот не было так в Путненской волости? Брату родному отвез воз пшеницы, а когда пришли к тому наложить арест, он ее то и отдал за свои собственные долги. С возом вместе. Брат родной! Вот как!

Когда ктонибудь вынимает завернутый в тряпку кукурузный табак, его мигом окружают десять-двадцать человек. Кой у кого находится кусочек газетной бумаги, кладут в него щепотку табаку, скручивают папироску.

Спичек нет ни у кого, но пахотится подмокший трут. Кто-то бежит с ним к жаровне, где жарятся сосиски, и зажигает его. Там, одной рукой зажигая трут, он в то же время косит глазами на румынские сосиски, и вторая рука у него уже наготове, но не тут-то было! Продавец бьет его по щеке и гонит прочь.

Они курят сигары из кукурузных листьев. Но близости у трактиров на улице жарят сосиски, пончики. Запах жареных хрустящих сосисок прошибает нос, и уже не веселит запах кукурузного дыма.

Вот так у деревенских.

А у городских дела тоже не веселее. Торговцы сразу узнают их, они их не гонят, но и приближаться тоже не дают.

Спорят, ведут политические разговоры, сыплют проклятия. Правительству и всем партийным вождям уже пора на виселицу. Вот какал у них тема. Кой-кто берет под защиту „Крестьянскую партию“. Крестьянская партия могла бы много помочь, да национальная партия ей не дала. Крестьянским партиям правительство не давало говорить.

На них кричат. Их высмеивают. „Никаких исключений! Все одна банда! Остаются еще коммунисты,— да ведь они-то как только слово скажут, тут их и в темную“...

В один из пасмурных дождливых ноябрьских дней около двухсот человек стояло

на резком мокром ветру; никто не искал ни одного рабочего, ни одного. Длинный, как жердь, ужасающе худой юноша один расхаживал все время.

Философствовал: „Голодать — здорово. Организм, по крайней мере, не утомляется“. В Румынии еще никто никогда не умирал от голода. Люди умирают только от тифа и пеллагры. Верно, а? Прежде чем помереть с голоду, человек подымет какую-нибудь погань на улице и слюнает. От этого он умирает, но не с голода. Верно, а?

Около полудня пришел какой-то господин. Господин в шапке, в ботах. Мясник. Он уволил своих помощников, ему не стоило их держать. И вот теперь вместо троих он ищет просто человека, который умеет рубить мясо. Громче всех предлагает себя один крестьянский парень: „Да что в этом трудного? Я уж много раз мясо рубил. Ей-богу“. Парень понравился мяснику. В это время сади, с полным решимости видом продвигается вперед фигура в майке, с открытой шеей.

— Мясник нужен? Господин в шапке: — Да. Ты мясник? Майка: — Нет. Я маляр. А все-таки гораздо лучше справлюсь, чем какой-то там деревенский, будьте уверены.

Господин в шапке осматривает его с головы до ног: — Да, у меня придется и на дом доставлять.

— Пожалуйста, и это можно.

— Убирать, выполнять домашнюю работу, словом, все делать.

— Ну что ж, все так все.

Он согласился и на то, чтобы с 6 часов утра до 8 часов вечера неотлучно быть на месте, чтобы, в случае надобности, быть и за кучера, и лошадей чистить.

Господин в шапке оглянулся. Он посмотрел еще раз на маляра в майке и решил нанять деревенского парня. Деревенским парнем все-таки легче распорядиться.

Его проводили диким воем. Поднялся страшный крик, шум, форменный скандал.

Начали более активные деревенские парни. „Что это за свинство, прут вперед, точно не все равно, что бухарестские, что из провинции, все, небось, одинаковое право имеют“.

Бухарестцы на это ответили: „Деревенские вот именно и вызывают безработицу, надо им вовсе запретить сюда приезжать, пускай у себя в деревне подыхают“.

Коммунисты отчаянно старались унять соорившихся:

— Что друг друга изводите? Буржуя бы лучше изводили.

Полицейские (фараоны и шпики) не вмешиваются, паоборот, они удаляются от толпы, подальше от опасного взрыва.

Покупатели, трактирщики и различные продавцы — все собралось вокруг: такого грандиозного скандала здесь давно не бывало.

Коммунист (человек в зеленой шапке, которого уже шесть раз забирали), стоя на крыше одной из палаток, кричал:

— Братья! Товарищи! Не крестьяне тут виноваты, не рабочие тут виноваты. Мы все угнетаемые, эксплуатируемые братья. Наш общий враг — фашизм-душитель...

Но ему не удалось их убедить.

Их убедила облава: в один миг жандармы окружили рынок: теснее и теснее суживался круг. И в этот круг попали без различия и городские и деревенские.

Коммунисты повсюду в толпе. Они тут не только по долгу революционеров.

Они тоже ждут куса хлеба.

Они терпят в толпе. Шпики неутомимо рыщут за ними, следят непрерывно, ловят их, но все же они всегда тут как тут.

Они часто выступают открыто: организуют собрания. Но это всегда происходит внезапно, с налету, с хитростью.

Недавно случилось вот что.

Было морозное утро. Среди обычного гвалта и споров кто-то встал на возвышение и воскликнул: — Товарищи, братья! — Толпа дрогнула. Все оглянулись. Все знали: это выступает коммунист.

Из толпы с криком выскочили полицейские в форме и сыщики в штатском, стащили оратора. Но в это время шесть-восемь человек с палками в руках (самоохрана) подошли к полицейским. Толпа тоже приободрилась, кричали сотни голосов. Полицейские испугались, они подались назад и поспешили убраться.

Оратор говорил о капиталистическом кризисе, о Советском Союзе. Перешел к снижению заработной платы, к взиманию ростовщических процентов.

Из толпы послышался возглас.

— Довольно! Сейчас будет облава. Это вы накликаете облаву.

— Пфуй, эсдек! Полицейский шпики! — ответили ему из толпы.

Поднялась паника. Оратора уже совсем нельзя было расслышать. Испуганные эсдеки все старались перекричать друг друга: „Смывайся, братцы! Сейчас будет облава“. — „Ну и пускай! Мы не боимся!“

Толпа рассыпалась, многие стали уходить. Оратор стойко держался на месте и кусал губы. Он подошел к себе кого-то из толпы, переговорил с ним, потом заорал:

— Братья! Не дадим себя ловить! Двигнемся отсюда! Двигнемся сейчас же!

Толпа опять стала прислушиваться. В самом деле, это было что-то новое. Коммунисты, которые всегда говорят о противодействии, вдруг заговорили о том, чтоб двигаться.

— Мы не боимся жандармского штыка, — говорил оратор — но нас здесь недостаточно. Пойдемте! Пойдемте туда, на бульвары.

Громогласное „ура!“ было ему ответом.

Кто-то развернул небольшой красный флаг и понес над головой.

...Но пошли не все: человек тридцать остались. Большею частью, деревенские.

„Теперь полиция займется только демонстрацией и облавы никакой не будет, — рассчитывали они. — Нам тут мало. И скорее можно дожидаться работы“.

Но как раз подоспела облава. Их сразу всех забрали. Их били прикладами. Били всех, кого только могли. И всех тридцать человек, окровавленных, испачканных, набили в атапную карету, как грязное белье.

На них же выместили досаду за демонстрацию.

„Базар труда“ на Центральном рынке больше не разрешается, разгоняется силой. Полицейские и жандармы стоят на площади и не допускают никаких собраний.

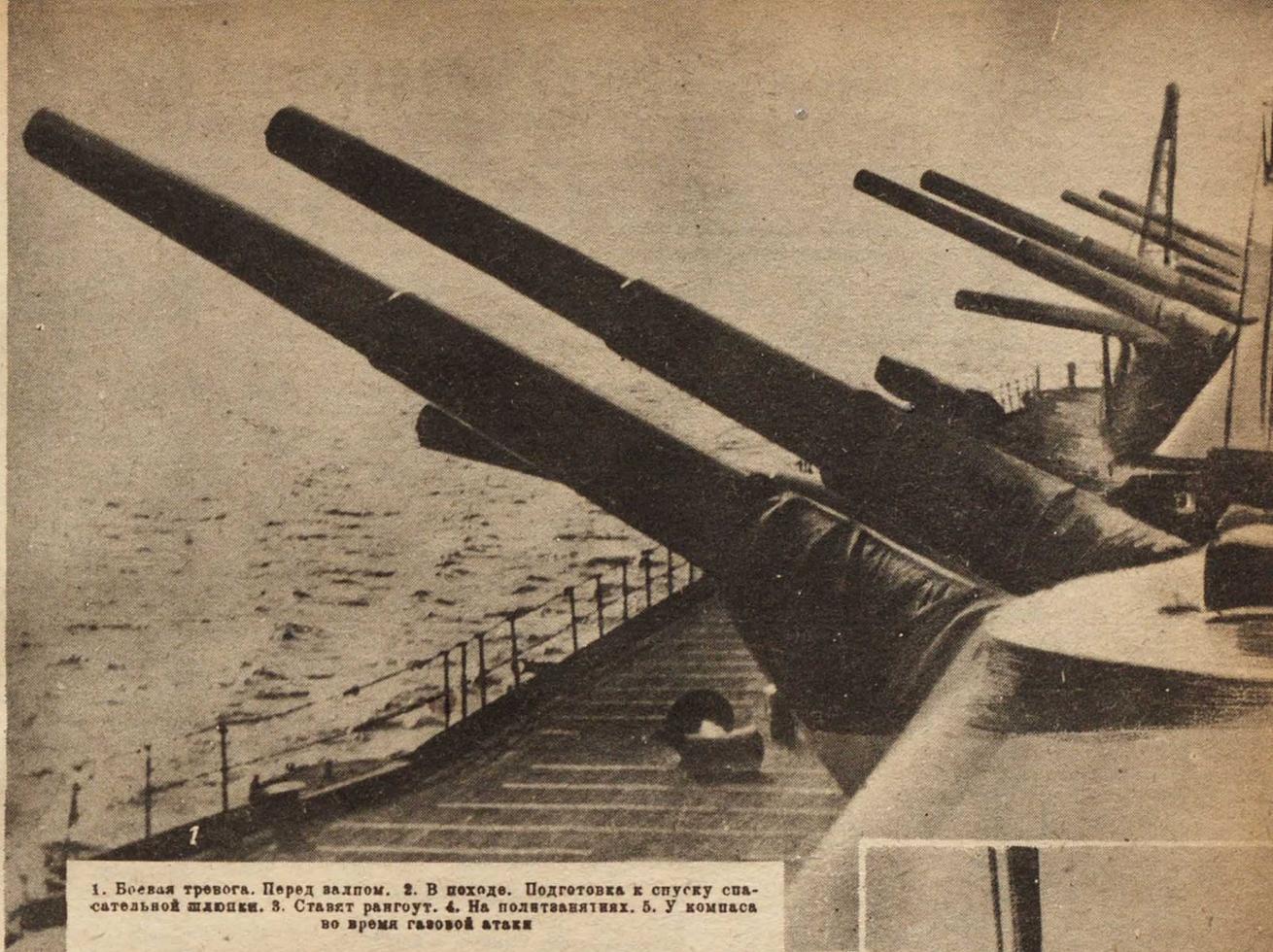
В школах учат: „В Румынии никто не умирает с голоду“.

И так оно и есть: с голоду не умирает никто. Прежде чем сгнить, человек подымет какую-нибудь погань на улице и слюнает. Либо даст жандармам избить себя до смерти.

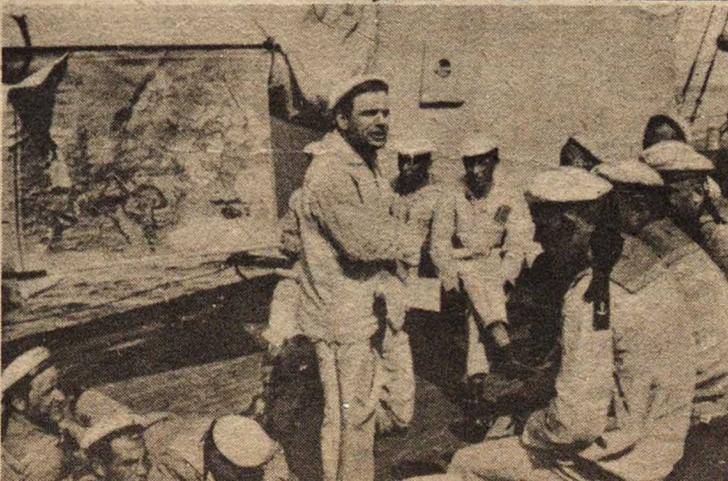
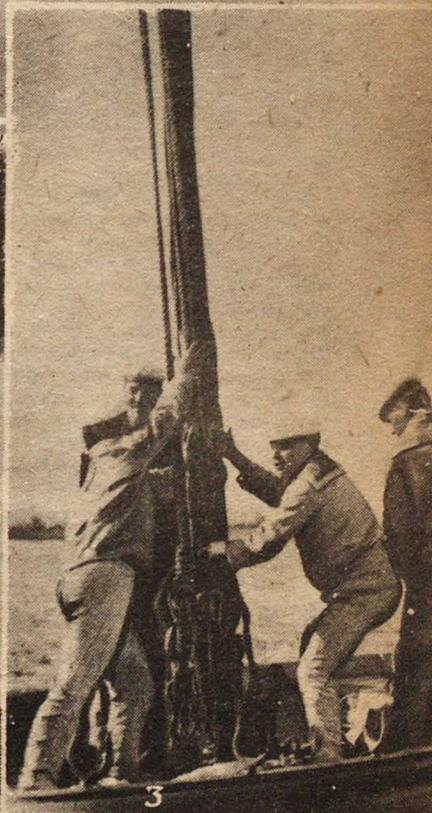
Но это „слабые“.

Сильные, умные, сами колотят жандармов по башке.

Перевод М. Троповской-Брумберг.

1. Боевая тревога. Перед залпом. 2. В походе. Подготовка к спуску спасательной шлюпки. 3. Ставят рангоут. 4. На полетах. 5. У компаса во время газовой атаки

Предельная боевая готовность, овладение всеми сложными формами боя, безупречное знание всем комсоставом нового наставления по штабной работе, четкое руководство командования, упорная и четкая работа полит-аппарата и партийно-комсомольских организаций — вот основные условия успешного выполнения ответственных учебных задач, которые поставлены перед военно-морскими силами РККА Советским Союзом на 1933 год. Проверка готовности к летней кампании под лозунгом борьбы за наилучшее усвоение техники, за проведение в жизнь решений XVII партийной конференции. Закрепляя достигнутые успехи, добиваясь новых и новых побед, краснофлотцы, командиры и политработники ВМС приложат все свои силы для успешного достижения поставленной перед ними цели.

Литударники „Огонька“ переводят пролетарских поэтов и литударников СССР

Начиная с настоящего номера, „Огонек“ будет от времени до времени помещать переводы литударников „Огонька“. Редакция просит пролетарских писателей, поэтов и прозаиков и литударников союзных и автономных республик, а также пролетарские литературные организации зарубежных стран завязать отношения с редакцией „Огонька“ для перевода произведений пролетарской литературы. Помещаем страницу переводов украинских пролетарских поэтов под редакцией А. Гатова.

МОТОР

Никогда я в Казакстане не был,
Прозрачных тайн туманов не глотал,
От желтых песков не тянулся к небу
И в юртах цветы ковров не топтал.
Но знаю: слышала не раз индустрия
Казакское трудовое „спасибо“,
Когда в песках пустынь заострились
Рельсы Турксиба.
Был я на работе. Рано.
Что-то давило темное, давнее.
Закурил, и раскрылись сразу
Воспоминания, как ставни.
В цеху работа. Ударный цех.
Работа горячая по соседству.
Слышу: „Товарищ! Отстаешь от всех,
Время теперь ответственное.
У тебя наилучшая работа—
Для станции в Казакстане мотор“.
И я увидел, — минувшее к черту—
Сегодня мне посмотрело в упор.
Поезда Турксибом идут
Под солнцем огненным.
Они в желтую даль везут
Рожд, шпеницу...
Напроста погасла во рту.
Я взял оружие свое—инструмент.
И лозунгами зазвучали струны,
По которым ударил труд.
Так в схватке бывает, бывает в бою,
Когда веришь в оружие. Скоро
Весь завод, всю искренность мою
Я отдал моему мотору.
Когда посинела дня грань,
В последний раз эхо ударило.
На цеха подъемный кран
Забрал мой дорогой подарок.
Поезда Турксибом почи и дни—
Товарные, скорые.
И в солнечную даль один из них
С моим подарком—мотором.
Я—рабочий, я—не чета пророкам,
Индустрии солнце несю, как мечту.
Так пусть в кишлаках далеких
Мой труд разорвет темноту.

С. Роговик (Гос. Электростанция, Харьков)
Перевел Ис. Зарубин

РАЗГОВОР С МАСТЕРОМ

— Товарищ мастер,—
(И на лице
Суровых морщин построение):
— Сегодня прекрасное у меня настроение,
Давайте осмотрим цех.
Моторами лучшими в нашей стране
Прошелся наш завод.
И вы показать обещались мне
Развернутый фронт работ.
Удивленный мастер сделал гримасу,
Голову поднял
Станкам в перебой,
И, с жилистых рук вытирая масло,
Повел меня за собой.

Модельный цех

Двери открылись. А сколько их?
Железо в углу—для разборки недельной.
Здесь и находится он, модельный,
Пахнущий соснами цех.
И стружки косят и на досках висят,
И стружки осенним дождем морозят.
Фигура склонилась, большая и сильная,
Доску стругает с точностью формул.
И схема мотора, опилками пыльная,
Уже принимает объем и форму.

Литейный цех

Огненным звоном пропитаны стены,
Дрожью и шумом осыпаны тени,
Наполнены жаром тяжелым мартены.

Цех литейный.
Черные, как сажа, раздули щеки
Проволочные опки.
Отсвет металла—мое настроение,
Солнечный зайчик основной масти,
И льется цветот этих настроение,
И мастер за плавкою смотрит,
И мастер
Пальцы свои собирает в кулак
Вместе с землей гарной.
— Так борется с браком,
Работает так
Наш боевой ударник.
Я вижу литейщиков,
Годы труда
Себя не заставили ждать.
Когда же мы выросли так,
Когда
Так научились побеждать?
Товарищ Петров,
Не забыли,
Мы знаем, что дни твои
Победою нашею были,
Стекались с ручьями ручьи.
Сказал он:
Пускай остывает литье,
Посмотрим в токарной на дело мое.

Токарный цех

Как будто трансмиссии и станки
Стремятся потерянное наверстать,
Не протянуть теперь к ним руки,
Ни подступить, ни стать.
Расшатавшийся, как вер-либр,
Ходит в руке калибр.
Сгорели бы тут же концы
Резцов, но вода на резцы
Льется. И множество лужек
Под ноги. И детали,
Освобождаясь от стружек,
Форму почувствовали дали.
Мастер сказал:—Формы
Обточим и завтра моторы
Товарные примут платформы,
Рванутся колеса повторы.
Нееут в пятилетку вклады
Ударные наши декады.
Деталь—это „ливил“. Стружки—кусты.
Резец полыснет их лезвием.
Скажи теперь, как выполнишь ты
Контрольные цифры поэзии?
Мы вышли из цеха,
Нас ветер заметил.
Я мастеру так ответил:
— Беру я сырую шершавую тему
(Это железо напомнит вам),
Чтоб сделать мотором свою поэму,
Дать оборот словам!
Чтоб строчки звенели ключами—хочу,
Хочу, чтоб звучали гаммой,
Чтоб показатель, когда включу,
Рос индикаторной диаграммой.
В литейной вы плавите шихту-смесь,
И шлак оползает глух.
А я загораюсь работою весь,
Слова проверю на слух.
В работе у нас расхождения редки,
Работа одну
Образует струю.
Так будем с тобой выполнять пятилетку,
Ты—сталью, я—словом свою!

Виктор Гудин

Перевел А. Филиппчук

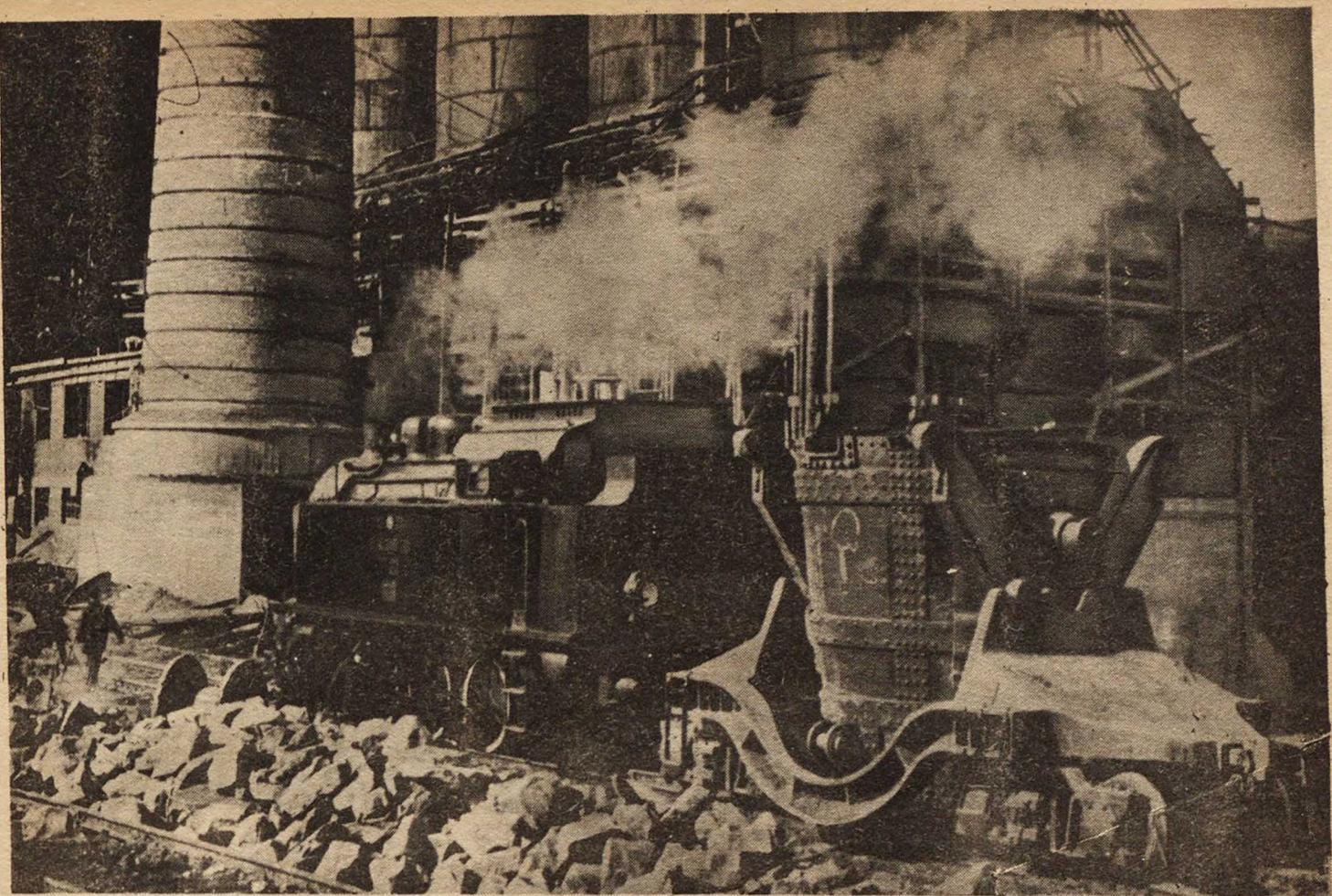
РЕМОНТ ДОМНЫ

Колеса сжали рельсов бровки,
Встает ландшафт днепропетровский.
На горизонте домны в ряд,
Сверкают, как хвосты комет,
И искры сыплются, как град
На их тяжелый постамент.

И сталь бурлит горячим штормом,
Разгневанно клокочет в формах,
И вот вам, вот ударный цех,
Идущий в авангарде всех.
И вдруг бегут тревоги тени,
И крик валетел, ударив в нервы,
Что в домне рушится простенок,
Что нужен немец-инженер.
И он пришел, и глянул боком,
Щеку опкою надул,
Сказал: „Тут только идиоты
Ведут починку на ходу“.
Тогда подымется ударник
(Он грузно в памяти залег,
Побед грядущего залог).
Привет седому сталевару.
Итак, ударник говорит:
„Мы не позволим, чтоб прорыв
Не дал заводам нормы стали,
Чтоб наши домны смолкли, стали.
Не выполнили промплана,
Гасили домны для ремонта.
И мы, залит работы пламя,
Удрали с боевого фронта.
И мы в хвосте. Такое дело!
Отремонтим в неделю,
Погаснуть домне не позволим“.
Его слова, как слитки воли.
Такая воля всех скрепит,
Сквозь дым, сквозь занавесы пара,
Сквозь пламени каленый треск
Идут по цеху печники,
Идут седые сталевары,
Металла сваренного блеск
Вбирая в дымные очки.
Передний лом железный нес
Долбить квадратники пробойн,
За ним покрытые броней
Брезентовой другие двое.
Один—как с бомбою—печник
С тяжелым кирпичем,
Другой—пожарник. Гарь с ресниц
Стирает рукавом.
И шли бригадою на штурм,
Для них не пели горла сурм,
Лишь густо воду лили планги
На побеждавшую фалангу.
Мы ходим в пасмурный музей
Смотреть на дантовских чертей,
Смотреть на рыцарей вельможных.
Сравнить их с ними невозможно.
Там руки их лизал огонь,
Там не один в угаре надал,
Из щелей тысячи горгов
Сверкали дивным водопадом.
Кругом свистел горячий ветер,
И немец буркнул „Доннер-веттер“,
Потом, волнуясь и тревожно:
„Арбейтен—это невозможно,
Я вижу это только в Руссланд“.
И кирпичи ложились грузно.
„Средь вас старательные есть,
Правление награждает вас всех“.
Тогда его попросит сесть
И так ему ответит цех:
„В республике, где волюный труд,
Где труд—геройство и отвага,
Где на пылающем ветру
Мы поднимаем наши стиги,
Оплаты за ремонт не надо,
Ведь мы—ударная бригада.
Работаем мы для себя“.
Гудки гремят, оркестры словно
И вновь зовет к работе домна.
Бригада знает лучше нас,
Что домна долго плавить будет,
И это снова силы будит
И окрыляет волю масс,
Вот что зовем—
Энтузиазм.

Г. Савченко

Перевел Яр. Смелячко

В ожидании первого чугуна первой домны Кузнецкого гиганта

ЗАПАД БЕЗ МАСОК

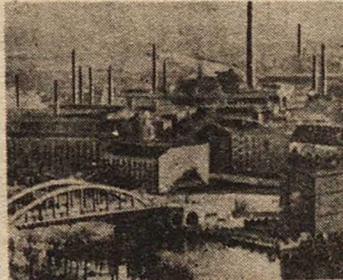
Развенчанные герои. В тяжелые для капитализма времена, тяжелые даже для тех слоев общества, которые сознательно или несознательно одурочены мнимым величием промышленников миллиардеров, наступает разочарование в этих „некоронованных королях“. Кровавая баня, которую устроил автомобильный король Форд в своей вотчине, вызвала недовольство им даже в части лево-буржуазных кругов Запада. Подоплека этого, конечно, ясна. Ведь таким образом развенчивается легенда о Форде, как о создателе райских условий для рабочих, разбивается выдуманная социал-фашистами сказка о возможности мирного вращения социализма в капиталистический строй.

та, теперь называют его „жуликом крупного масштаба“. Этим они стараются угодить тем группам буржуазии, которые, будучи держателями крейгеровских акций, оказались полностью разоренными. Пресса перестала замалчивать катастрофические последствия краха концерна Крейгера, в первую очередь для Швеции. Несомненно, в связи с этим крахом произойдет огромное количество банкротств и экономический уровень трудящихся снизится еще больше. Уже теперь общая стоимость облигаций спичечного концерна снизилась почти в десять раз и составляет 10 млн. долларов против 95 млн. долларов в феврале.

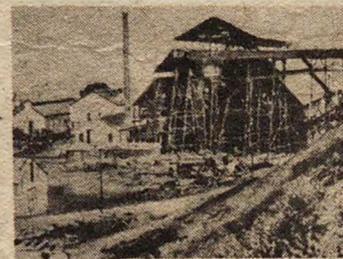
На снимке: гроб с телом Крейгера отправляется на родину с нарижского Северного вокзала.

Умиравшие города. Под нажимом кризиса индустриальные центры капиталистического мира охвачены парализмом. Если также цитадели капитализма, как Чикаго, Нью-Йорк и Филадельфия фактически разорены, прекратили выплату пособий безработным и жалования городским служащим, — то что же говорить, например, о германских фабричных центрах. Уже свыше 80 германских муниципалитетов заявили о своей неплатежеспособности. Сердце и мозг индустриальных районов — Эссен, Дортмунд, Берлин со своими пригородами, находятся фактически в состоянии банкротства. Как только закрываются многочисленные предприятия, прилегающие тысячи рабочих, так начинают умирать города. В Европе и Америке существуют целые города безработных, покинутые жителями, с домами, слепо глядящими заколоченными окнами. Стоит лишь мигновать показной блеск городского центра, пройти на окраины в рабочие кварталы, чтобы увидеть их отмирание.

На снимках: два характерных „натюрморта“ современного капиталистического мира. Вверху — опустевший пригород Берлина — Шпандау.

где на заводах „Дейтце Верке“ произошло массовое сокращение рабочих. Во время войны здесь „работало на оборону“ 100.000 человек, теперь осталось около 900. Внизу — такая же картина в далекой Южной Америке, где прекратили работу алмазные копи в Кимберлее. Голодающие рабочие, предоставляемые самим себе, бежали из поселка при копях. Кладбищенский

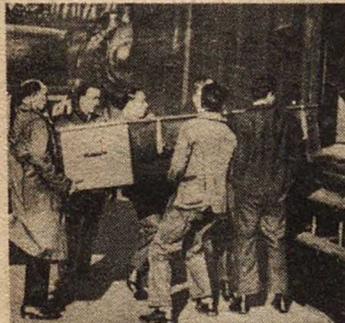
покой охватил эти места, где еще сравнительно недавно царил „алмазная лихорадка“.

Германская буржуазия чествует Гете. В Германии состоялась торжества памяти Гете по случаю исподнившегося столетия со дня смерти великого немецкого поэта. Буржуазия всех мастей и оттенков старалась во что бы то ни стало об'явить Гете „своим“. Идеологи гитлеровского фашизма дошли в своем усердии до того, что назвали Гете чуть ли не предшественником гитлеровских принципов и величайшим „национал-социалистом“. Главные торжества были проведены

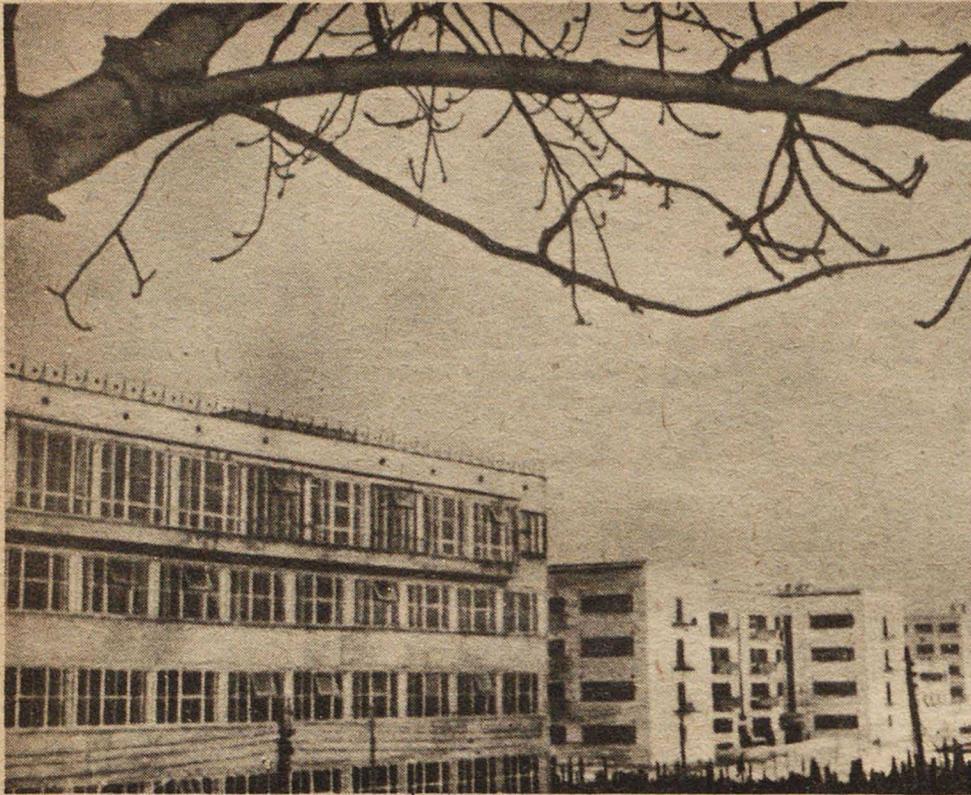
в захолустном городке Веймаре, где Гете провел около шестидесяти лет при дворе мелкого деспота герцога Карла Августа, в атмосфере того „убожества“, которое по известной характеристике Гете, данной Энгельсом, победило „величайшего немца“. Нише духовные и физические потомки тех представителей „немецкого убожества“, которые исключили творчество такого колосса, как Гете, чествовали его в Веймаре, как своего идеолога и единомышленника.

На снимке: герцогиня веймарская с рейхсканцлером Брюнингом направляется к могиле Гете в дни торжества.

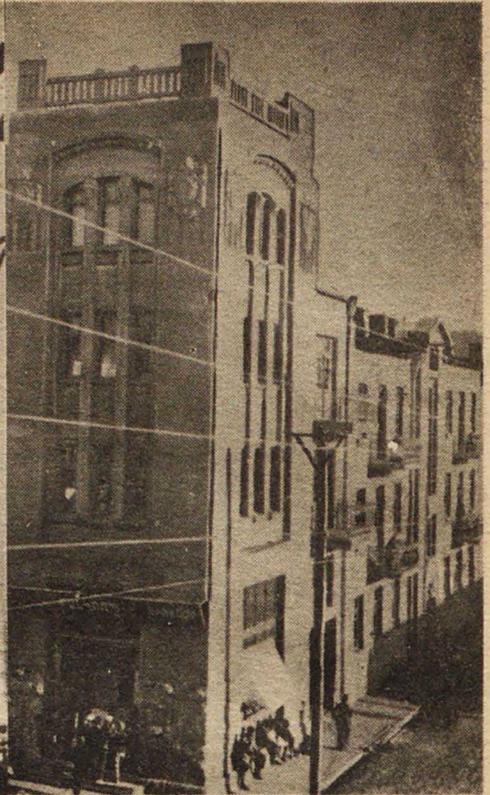

Вторым развенчанным королем является Ивар Крейгер, „трагически погибший в Париже“, как это пишется в похоронных объявлениях. т. е. попросту пустивший себе пулю в лоб, когда его прижал кризис. едва только успели похоронить неудачливого спичечного короля, как и буржуазная и социал-фашистская печать заговорила совсем по-другому. Продажные писаки, прославлявшие Крейгера как великого и гуманного капиталиста, просвещеннейшего магна-

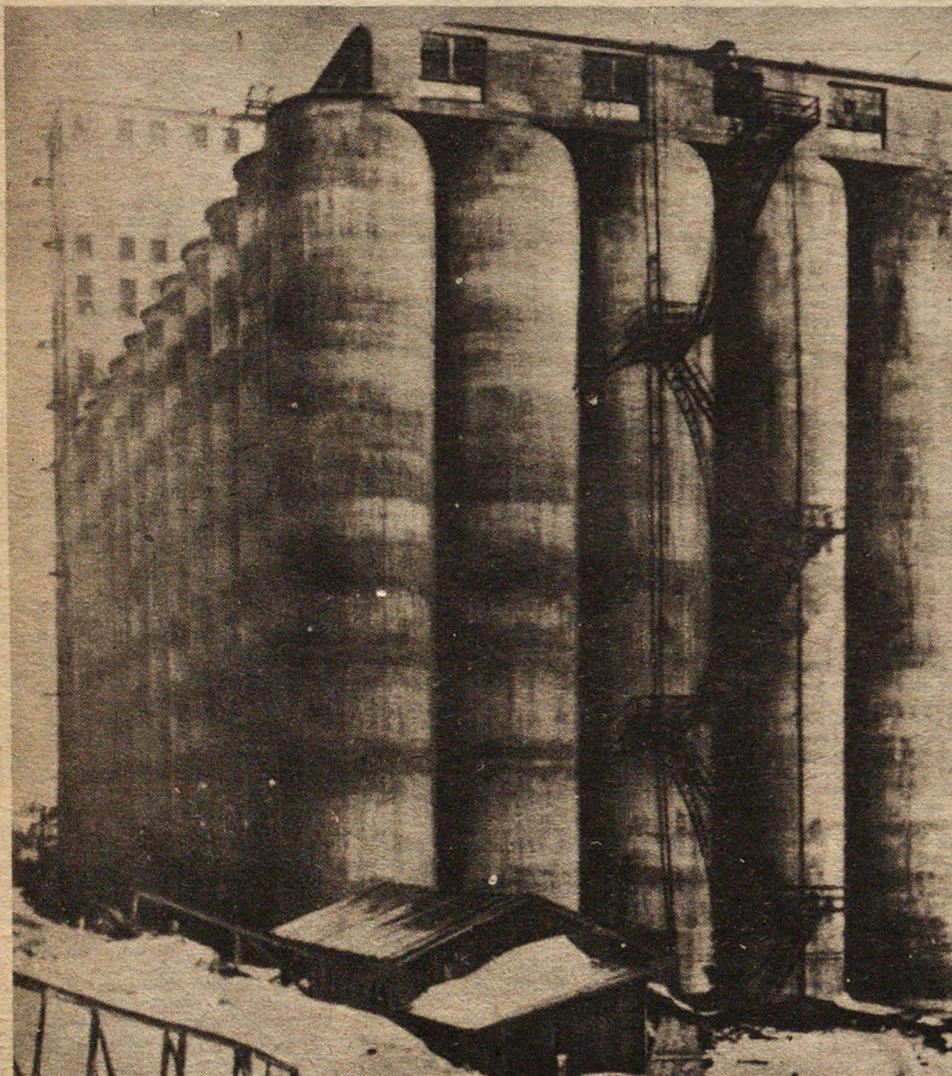
ФОТО-ХРОНИКА

Здание учебного комбината московского завода „Серп и молот“, в котором будут сосредоточены все ступени рабочего образования

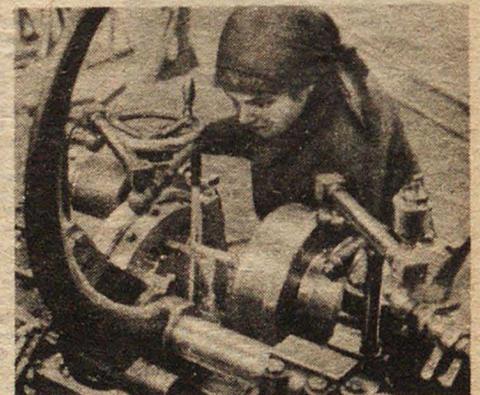
Дом для рабочих механического завода в Эривани

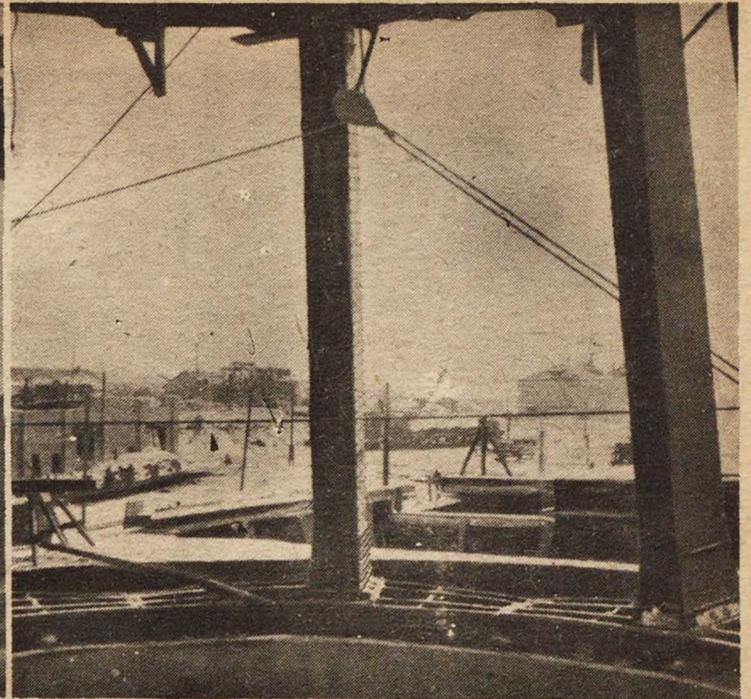
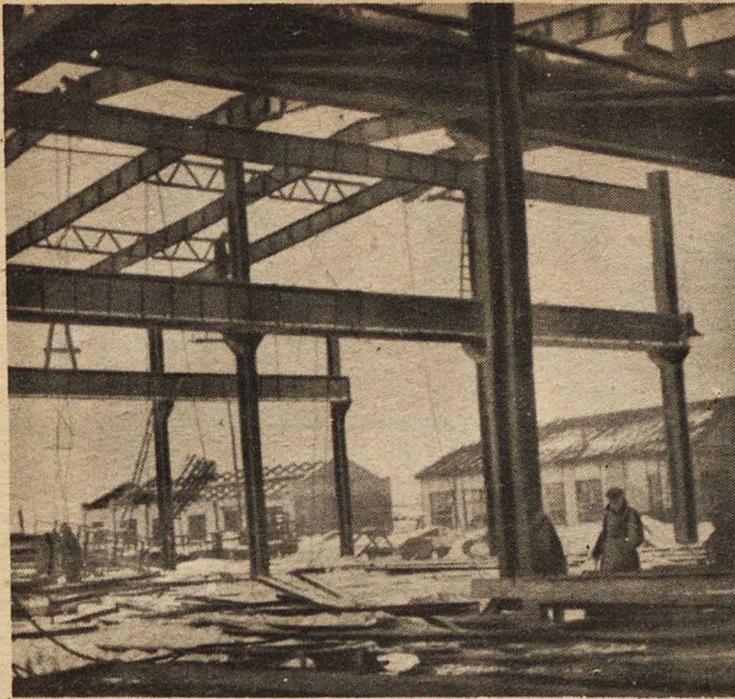
Строющийся в Херсоне крупнейший в Союзе элеватор

Рабочий нефтяных промыслов бухты Ильича тов. Усейн Аббас 6 раз премированный и представленный к награждению орденом Трудового Красного знамени

Путем прикрепления рабочих к определенному станку окончательно ликвидируется обезличка на Саратовском заводе комбайнов. На снимке: ударница Ваваринова, прикрепленная к револьверному станку № 78

Строющийся в Мариуполе новый металлургический гигант Азовсталь будет величайшим металлургическим заводом советского Юга. Первые домы Азов-стали будут зажжены в числе 24 домен, вступающих в строй в 1932 году. На с н и м к е: строительство Азовстали.

Редактор **МИХ. КОЛЬЦОВ.**

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар 11.

Издатель—Журнально-газетное объединение

Уполн. Главлита № В 24772 Изд. № 1319. Выпускал и редактировал **А. Оголевец.** Колич. наб. зн. в кажд. бум. л. 160.000. Сдано в набор 7/IV. Подписано к печати 16/IV. Зак. 545. Офсет-печать тип. Журнально-газетного объединения („Огонек“), Москва, Сретенка, Последн. пер., 26. Тир. 200.000. Стат. формат А₁ 210×297. Колич. бум. листов—1,25.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на журнал „Огонек“: год — 3 руб. 60 коп., 6 мес. — 1 руб. 80 коп., 3 мес. — 90 коп., 1 мес. — 30 коп. Подписка принимается только почтой.

В 1932 г. ПОПУЛЯРНЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Хочу всё знать

С 1 февраля выходит еженедельно в издании Журнально-газ. объединения.

Основная цель журнала — ознакомить широкие слои необученных рабочих с общими задачами технической реконструкции СССР, с основными типами машин и аппаратов, с основными технологическими процессами, с выдающимися достижениями науки и техники у нас и за границей.

„Мы отстаем от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны преодолеть это расстояние в 10 лет“.

СТАЛИН

В журнале будут даны выдержки статей по использованию энергии: по металлотехнике, топливу, машиностроению, физике, химии, текстилю, производству, технике безопасности, предупреждению профзаболеваний, по санитарии и гигиене на производстве.

В ряде очерков журнал познакомит читателя с наиболее крупными социалистическими стройками и с естественными, богатствами нашего Союза.

ОСОБЫМ ЗВЕНОМ в отделе металлотехники войдет важнейшая отрасль ее — ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ДЕЛО: изготовление рабочего инструмента и уход за ним.

В журнале введен отдел „ЧТЕНИЕ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТЕЖЕЙ“. ЧЕРТЕЖ — язык техники. БЕЗ УМЕНИЯ ЧИТАТЬ ТЕХНИЧЕСКИЕ ЧЕРТЕЖИ НЕЛЬЗЯ ОВЛАДЕТЬ ТЕХНИКОЙ.

Продолжается прием подписки с текущего месяца.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—6 руб., 6 мес.—3 руб., 3 мес.—1 руб. 50 коп.

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.

Жур.-газ. объединение

КАЖДЫЙ ЛОЗУНГ, КАЖДАЯ ДИРЕКТИВА ПАРТИИ

ВОКРУГ ВЫПОЛНЕНИЯ КОТОРЫХ ОБЪЕДИНЯЕТ СВОИ СИЛЫ РАБОЧИЙ КЛАСС, ДОЛЖНЫ ПОДХВАТЫВАТЬСЯ СОВЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИЕЙ и широко ПРОПАГАНДИРОВАТЬСЯ.

За превращение кино в мощное орудие коммунистической пропаганды, орудие классовой борьбы и интернационального воспитания трудящихся масс, за социалистический рост промышленности, за новые кадры кино, за быстрейший выпуск технических и производственных кинофильмов, за рост звукового и цветного кино, за лучшие образцы работы с кинозрителем борется газета

КИНО

Массовый шестидневный иллюстрированный орган СОЮЗКИНО и ОЗПКФ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ С ТЕКУЩЕГО МЕСЯЦА.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—3 р. 60 к., 6 мес.—1 р. 80 к., 3 мес.—90 коп.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ МЕСТНОЙ ПОЧТЕ НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЕЮ СРОКА.

Журнально-газетное объединение

Единственный в СССР творческо-методический и научно-технический журнал пролетарской фотографии

Пролетарское фото

Орган Союзфото и ОЗПКФ

„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО“ — боевой руководящий орган пролетарского фотодвижения; борется за пролетарскую фотографию; воопужает трудящихся фотознаниями. В течение всего года в журнале будет вестись

Высший курс фототехники

при участии виднейших представителей и лучших мастеров советского фоторепортажа.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1932 год. Журн. „Пролетфото“: 12 м.—7 р., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—1 р. 75 к.

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

Советский ТЕАТР

Ежемесячный общественно-политический журнал по вопросам театра и марксистского театроведения.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

вооружить пролетарский кулбтатив для борьбы за подлинно советский классовой театр, за социалистическую реконструкцию театра путем разработки основных вопросов классовой театральной политики и театральной культуры, для борьбы с апатичностью и оппортунизмом в театре, с идеалистическими и механистическими теориями; за ленинское театроведение, за диалектический метод на театре, за пролетарские кадры, за овладение техникой театра.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Статьи по вопросам творческого метода, критические обзоры театра-постановок, дискуссия, характеристики театра и отдельных работников театра, вопросы техники театра, информация о театре СССР и за рубежом, новые пьесы, библиография, мемуары, документация, иллюстрации.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на

пролетарский кулбтатив, на театрально-наводственников всех категорий—драматургов, режиссеров, актеров, художников, музыкантов, драмкружковцев, агитбригадников, учащихся театру и театру техникуму, работников худполитсоветов и театрального зрителя—активиста.

ЖУРНАЛ ИЛЛЮСТРИРОВАН.

С 1-го января 1932 года „СОВЕТСКИЙ ТЕАТР“ издается Журнально-газетным объединением.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 год.

Подписная цена: 12 м.—8 р., 6 м.—4 р., 3 м.—2 р. Отдельный номер—75 коп.

Подписка принимается только почтой не позже установленного ею срока.

Журнально-газет. объединение

И ЛЕЧЕБНЫХ
УЧРЕЖДЕНИИ

ДАЛЛИСАТ

КОРРЕЛИРОВАННЫЙ ПРЕПАРАТ
ЧЕСНОЧНОЙ ВЫТЯЖКИ

ПОКАЗАН К ПРИМЕНЕНИЮ НА БОЛЬШИХ С ОБЩИМ АРТЕРИОСКЛЕРОЗОМ С ГИПЕРТОНИЕЙ И БЕЗ ГИПЕРТОНИИ, ПРИ АТОНИИ КИШЕЧНИКА, КОМПАКС С НАКЛОННОСТЬЮ К ЗАБОРАМ И ПРИ ЯВЛЕНИЯХ СЕРДЕЧНОЙ АСТМЫ.

ДАЛЛИСАТ ПРОБЕРЕН
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО И
УСПЕХОМ ИСПЫТАН
КЛИНИЧЕСКИ В
МОСКОВСКИХ ЛЕЧЕБ.
УЧРЕЖДЕНИЯХ

ГРЯЖЕ ОТСТУПИЛИ ВАМ ТЕКАХ ЗАКАЗЫ ИС
ПЛАНИЮТСЯ ПО ПЛАЧЕНИИ ЗАДАТКА В 50 %
ПОСЛАТЬ КОТОРЫЙ "ГОРТА" МОСКВА
МОСКВОРЕЦКАЯ ЖА., 26.

ПОРТРЕТ, ХУДОЖЕСТВ. УВЕЛИЧЕНИЯ
лицен., тушь ю.
высокая с любой фото-карточкой разм.
с паспорту 32x40 при получении полностью
20 руб. с упаковкой и пересылкой. При
желании покрыть лаком дорожку на 2 руб.
Исполнение 15 дней.
Карточка возвращается.
Москва, Б. Грузинская, 75, к. 27. Худ.
фот. Л. В. САМОЙЛОВИЧ

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР
„Гутенберг“ необх. и половина
кажд. для печатания бланков,
конвертов, карточ., повесток,
счетов, отх., им., отч., фам.
и проч. Письменное руководство.
„Как устроен прибор
Гутенберг“ и где можно приобре-
сти его“ выс. по получ. 2 р. Налож.
платеж. не высылается. КИЕВ, почтов.
ящик 32/0, автору Ашхишину.

Богато иллюстрированное издание

Вопросы ПОЛА

ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ В БРАКЕ И СЕМЬИ И АЛЬБОМ В ТРЕХ ЧАСТЯХ (более 1.300 рисунков)
Под редакцией профессоров В. И. ТАЛКОВА, Н. Н. ИОРДАНСКОГО и С. Я. ВОЛЬФОНА
И альбому прилагается семь книг (1116 стр. текста). Цена альбома в папке со всеми приложениями 30 рублей. Пересылка за счет заказчика. Высылается только по получении задатка не менее 10 рублей.
Москва, Г. С. П. 10. Моховая ул. д. № 26 кн. маг. Просвет. о-ва „ПРОМТЕЙ“.

ДОМ КНИГИ
иностранн. рабочих в СССР
Москва, Тверская, 51.

Вышла из печати и поступила в продажу

На немецком языке:

1. Иогансон—Учебник немецкого языка	2 р. 25 к.
2. Пинше—Телотехника	2 р.
3. Пинше—Химия	— 75 к.
4. Фальк—Физическая хрестоматия	1 р. 85 к.
5. Шинтже и Новикова—Хрестоматия для медиков	2 р. 50 к.
6. Берейт и Вюнер—Военная хрестоматия	3 р. 50 к.
7. Стендер—Хрестоматия по электротехнике	2 р. —
8. Пинше—Электротехника	1 р. 25 к.
9. Давыдов—Хрестоматия по горному делу	2 р. 20 к.
10. Чачквани—Хрестоматия по текстильн. промыш.	2 р. 50 к.
11. Шанппе—Полководство	— 75 к.
12. Шанппе—Скотоводство	1 р. 70 к.
13. Вестеррайхер—Хрестоматия по машиностроению	1 р. 50 к.
14. Зильберт—Хрестоматия по химии	1 р. 50 к.
15. Вейер—Хрестоматия по теплотехнике	1 р. 50 к.
16. Кордес—„Борьба и победа“ (сбор. соц. экон. стат.)	5 р. —

На английском языке:

1. Зильберт и Абрам—Учебник англ. языка	2 р. 75 к.
2. Толстой и Эванс—Введение в технику, ч. I-ая	1 р. 25 к.
3. Тимофеев—Хрестоматия по горному делу	2 р. 20 к.
4. Войнилович - Нияковский—„Военная хрестоматия“, часть I-ая	1 р. 75 к.
5. Войнилович - Нияковский—„Военная хрестоматия“, часть II-ая	2 р. —
6. Цветков и Ноткин—„Что нужно знать для перевода с английского“	1 р. 25 к.
7. Миллерская—„Автомобиль“	2 р. —
8. Джеффи, Зильберт, Орт и Юницкая—„Полководство“	1 р. 50 к.
9. Джеффи, Зильберт, Орт и Юницкая—„Животноводство“	1 р. 25 к.
10. Абрам и Год—Хрестоматия по текстилю	1 р. 50 к.
11. Нови и Толстой—Хрестоматия по теплотехнике	1 р. —
12. Абрам и Зильберт—Хрестоматия по нефти	1 р. 75 к.
13. Зильберт—Хрестоматия по электротехнике	1 р. 50 к.
14. Зильберт и Абрам—Хрестоматия по строител.	1 р. 25 к.
15. Зильберт и Абрам—Английская грамматика	1 р. —
16. Викстид—Английская грамматика	— 60 к.

Заказы высылаются наложенным платежом
задатки не принимаются.

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

НОВЫЙ ВЫПУСК

ЛУЧШИЙ КРЕМ

СИМЕИЗ

МОСКВА 35 БАХМЕТЬЕВСКАЯ
2-я ВЫШЕСЛАВЦЕВ. ПЕР. А. 6А.

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

МСПО
МОСКООПКУЛЬТ
ФОТО-СКЛАД
Москва—Центр.
Рождественка, 5

ФОТО-ТОВАРЫ

Заказы выполняются только по получении полной их стоимости. Химикаты отпускаются только к заказанным пластинкам и бумаге в полной соответствующей норме. ПРЕЙСКУРАНТ высылается ВЕСЛАТНО.

ВАЖНО ДЛЯ ФОТОЛЮБИТЕЛЕЙ

ЛУЧШИЙ ПРИБОР ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЫДЕРЖКИ (ЭКСПОЗИЦИИ) при с'емке — автофотометр „МИТГОЛ“ последнего вып. 1931 г., в котором, кроме прежних таблиц впервые помещены таблицы для с'емки ПРИ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ ЛАМПАХ. Цена 1 руб 25 коп., с пересылкой 1 р. 50 к.

ТРЕБУЙТЕ во всех фото-магазинах и отделениях МОСКООПКУЛЬТА.

АДРЕСА розничных магазинов: Телефоны:

Москва, магазин № 1 Москоопкульта—Сретенка, 11.	92-70.
„ „ № 3 —Мясницкая, 20.	4-47-88.
„ „ № 5 —Рождественка, 5.	52-02.
„ „ № 6 —Петровка, 15.	3-68-99.
„ „ № 7 —Тверская, 62.	Д-1-28-53.
„ „ № 9 —Арбат, 55.	Г-1-21-46.
„ „ № 21 —Пятницкая, 16.	В-1-70-06.
„ „ № 23 —Кузнецкий Мост, 20.	5-81-62.

ЧИТАЙТЕ журнал „О Г О Н Е К“

**ВСЕУКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ ЭНДО-
КРИНОЛОГИИ И ОРГАНО-ТЕРАПИИ
НАРКОМЗДРАВЯ УССР И КАРЬКОВ. МЕДИЦИНСКОГО ОБ-ВА**

**ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЕРДЦА**

ПРИ ОБЩЕЙ СЛАБОСТИ, ОСЛАБ-
ЛЕННОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЕ И
КАК ОБЩЕЕ ТОНИЗИРУЮЩЕЕ
СРЕДСТВО ПРИМЕНЯЕТСЯ
СПЕРМОЛЬ
(ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ)

ПРИ ГРУДНОЙ ЖАБЕ
(СЕРДЕЧНОЙ АСТМЕ)
ПРИ ПЕРЕМЕЖАЮЩЕМСЯ
ХРОМОТЕ ПРИМЕНЯЕТСЯ
МИОЛЬ
(МУСКУЛЬНЫЙ ЭКСТРАКТ)

ПРИ ОСТРОМ МАЛОКРОВИИ,
БЕЛОКРОВИИ И АНЕМИИ
ПРИМЕНЯЕТСЯ
ФИТО-ФЕРРИН
(ФИТИН С ЖЕЛЕЗОМ)

**ПРИ УПАДКЕ УМСТВЕННЫХ И
ФИЗИЧЕСКИХ СИЛ ПРИМЕНЯЕТСЯ**
ФОСФРЕН
(ФОСФОР ДЛЯ МОЗГА)

ПРИ ОТСУТСТВИИ НА МЕСТАХ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПОЧТОЙ ГЛАВНЫМ СКЛАДОМ
ИНСТИТУТА ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА НЕ МЕНЕЕ ОДНОГО РУБЛЯ
С КАЖДОГО ФЛАКОНА. ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ: ХАРЬКОВ, УЛ.
АРТЕМА, 12. ВСЕУКРАИНСКОМУ ИНСТИТУТУ ЭНДОКРИНОЛОГИИ.

СПОСОБ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ КАЖДОМ ПРЕПАРАТЕ.
ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ СССР.

Всесоюзное объединение мясной промышленности
„СОЮЗМЯСО“

Белковый питательный продукт

Содержит железо, о-
чески связанное с бе-
Две столовых ложки
МОЗЫ" равноценны по
тельности 100 граммам
Применяется во всех
чаях, требующих усиле
витамина.

Требуйте во всех государстве
кооперативных магазинах, в ап
и магазинах санитарии СССР.

При отсутствии на местах, заказы
правлять в контору специальных
рикетов „СОЮЗМЯСО“. Адрес: М
Мясницкая, 24.

**СЕКАРОВСКАЯ
ЖИДКОСТЬ**

ПРОТИВ ИСТОЩЕНИЯ, УПА-
ДКА СИЛ И НЕВРАСТЕНИИ
ВО ВСЕХ ЕЕ ВИДАХ.

ЦЕНА ФЛАКОНА
2 РУБЛЯ

Регистрация Харьковская № 8502

ПРИ ОТСУТСТВИИ В АПТЕКАХ ЗАКАЗЫ
ИСПОЛНЯЮТСЯ ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА
В 50% ПОСЛАТКОЙ КОНТОРЫ ГОРТ-
МОСКВА, МОСКОВСКОЕ Ш. 26.

ХИМИЧЕСКИ ИСПЫТАНЫ
ХИМИЧЕСКИ СТАНДАРТИ-
НОЕ СРЕДСТВО, ПРИМЕНИ-
ПРОТИВ УПАДКА СИЛ, И
ЩЕНИЯ ОРГАНИЗМА,
ЛОВОГО БЕССИЛИЯ И
ВИДОВ НЕВРАСТЕНИИ

УХОД ЗА КОЖЕЙ

Ванушки. Загар. Угри. Прыщи.
Бородавки. Морщины. Краснота носа.
Пятна. Потановье. Мозоли. Писья.
руководство для борьбы с этими
дефектами высылается за пять руб.

УХОД ЗА ВОЛОСАМИ:

Выпадение. Облысение. Поседение
Осветка. Удаление. Цена тоже пять р.
Оба руководства высыл. за 7 р. 50 к.
Адрес: Киев, Бессарабка, автору
АННЕ СТАЦЕВИЧ, абонементам
лиц № 5.

**ГОВОРИТЕ ЛИ ВЫ
ПО-НЕМЕЦКИ?**

Практический самоучитель для
быстрого изучения немецкого
разговорного языка. Цена 3 р.
с перес. Адрес: Москва, Твер-
ская, 17, абонемент. лдк 168
Автору В. Рябову.

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР

„ГУТЕНБЕРГ“ необходим и полезен
каждому. Всякий может сам легко
составить и печатать любой текст,
бланки, конверты, карточки, по-
вестки, счета, стихи, имя, отче-
ство, фамилию и пр. 250 изучен-
буки, цифр, знак и украшений с
принадлежн. и руко. 4 р. 50 к.
525 буки — 9 р., 750 буки — 14 р.,
1000 буки — 16 р. Парсылка за счет за-
казчика. Высылается наложенным платоном
по полуц. задатка 3 р. В переводе необходи-
мо четко и ясно указать свой обрат. адрес.
Адрес: ОДЕССА, ул. Ленина, 28. Ш. ОРАЧ
Изготавливает всевоз. штампы и печатн

ЛЕЧЕБНИЦА (ПОЛИКЛИНИКА) ВСЕРОССИЙСКОГО

ОХОТНЫЙ РЯД, 3 (у Дома союзов), Телефон 1-52-88 и
Прием врачами-специалистами всех граждан по
специальностям с 8 часов утра до 9 часов

ЛАБОРАТОРИЯ (все виды медицинских анализов)
РЕНТГЕН. ЭЛЕКТРО-СВЕТОЛЕЧЕНИЕ
ХИРУРГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ (ортоп., туб., косте
исправление дефектов лица, челюстей, леба, нос)
ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ (туб., бол. сердца, сосу-
болезни обмена вещ., бол. желудка и кишек и пр.)
ЗУБОВРАЧЕБНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (протезирование)
ГИНЕКОЛОГИЯ И АКУШЕРСТВО (профилактика)
КОЖНО-ВЕНЕРИЧЕСКОЕ И УРОЛОГИЧЕСКОЕ
мочепола. отделение. **ЖЕНСКАЯ ГОНОРЕЯ**
Консультация и прием профессоров и ассп

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ